

№1
Октябрь 2005

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**Грузия и Россия
уже не смогут
поделить
Товстоногова**

8-11

**Гия Канчели:
Звонящая тишина
начинает жить**

27-31

**Уникальный музей
ищет поддержки**

19-23

**Н. СВЕНТИЦКИЙ: ЦЕЛЬ «РУССКОГО
КЛУБА» – РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА**

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Уznaдзе

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№1
Октябрь 2005

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Из первых уст	Инна Безирганова Русский Клуб – трибуна для диалога	4
РежиссуРА	Вера Церетели Убедить в недоказуемом – цель искусства	8
Свобода духа	Инна Кулишова Состояние, которое мы называем сознанием	12
Балето MAN	Нелли Уznaдзе Великий сын Терпсихоры	16
МузейОН	Инна Безирганова Уникальный музей ищет поддержки	19
Служение	Н. Мелкадзе, Г. Чхаидзе, А. Лория Судьба директора Кавказского музея	24
МУЗЫка	Инна Кулишова Метафизика тишины	27
ЛегенДАРный	Алена Деняга Мало любить, надо благоговеть!	32
МеждуРЕЧье	Андрей Белявский Неотразимое поле притяжения	36
Шлейф прошлого	Владимир Головин Прекрасные дамы Тифлиса	38
ЛИТЕРАтория	Инна Кулишова, Виктория Кольцевая Стихи	42
ПереВОДИМ	Гоги Чагелишвили Художник (пер. с грузинского Л. Татишвили)	44
Резонанс	Эка Купарадзе Возрождение Малого зала	46
ЭКСПОзиция	Гога Чанадири Всмотритесь – это наш город	48
ЛИТЕРАтория	Наталия Литвинова Стихи	50

Николай Свентицкий

РУССКИЙ КЛУБ – ТРИБУНА ДЛЯ ДИАЛОГА

Международный культурно-просветительский Союз “РУССКИЙ КЛУБ” создан в 2003 году. Характер уставной деятельности союза определен так:

Всестороннее развитие сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между двумя независимыми государствами – Россией и Грузией на основе цивилизованных принципов; укрепление сотрудничества между Россией и Грузией в области культуры, искусства, образования, науки, спорта, туризма; содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в Грузии, взаимного уважения их интересов и ценностей, взаимовыгодного сотрудничества, непримиримости к сепаратизму; создание условий для свободного развития национальных языков и культур.

Сегодня наш собеседник – генеральный директор театра имени А. Грибоедова, президент международного культурно-просветительского союза “Русский клуб” и директор Центра российской культуры в Грузии Николай Свентицкий.

– Вы долгое время являетесь руководителем Центра российской культуры в Грузии. Почему возникла необходимость создания новой организации – “Русского клуба”? И еще – это название связано с известным “Английским клубом”?

– Центр российской культуры в Грузии – это все-таки бюджетная организация. А международный культурно-просветительский союз “Русский клуб” – это общественное объединение. Что касается названия, то, конечно, я знаю о существовании некогда Английского клуба в Петербурге, членом которого, кстати, был Пушкин. Но мы назвали клубом вовсе не по аналогии. Просто слово “клуб” означает “вместе”, “сообща”. Мы стараемся активизировать деятельность наших соотечественников, преодолеть их пассивность. А пассивность присутствует у русского населения – к примеру, в политике оно фактически не участвует. Здесь живут 150 тысяч русских, но их не видно и не слышно. Почему? Ведь они полноправные граждане этой страны, которые должны включаться во все процессы. Мы не собираемся строить пятую колонну. Наша цель – активизация русского населения во всех сферах жизни. Потому что мы граждане Грузии. Предстоит большая работа... Потенциал сегодняшнего русского населения велик и мог бы быть очень полезен нашей стране – Грузии. Большинство русских, проживающих здесь, – это добропорядочные граждане, с большой любовью относящиеся к Грузии и желающие содействовать ее процветанию. Наш клуб – с большими претензиями. В перспективе эта организация должна под своей крышей собрать все здоровые русские силы. Как ни странно, в существующих ныне объединениях соотечественников, по-моему, далеко не полностью задействован весь спектр русских людей, а также тех, кто думают, читают, пишут по-русски и считают себя русскими. Русские – это не только те, кто носят фамилию Иванов, Петров, Сидоров, но и люди, которые воспитывались на русской культуре, учились в русских школах и на русских факультетах вузов. И мы стараемся объединить техническую, гуманитарную интеллигенцию, деятелей науки и культуры, представителей других слоев общества, создающих материальные и духовные блага для этой страны. Конечно, и забота о пенсионерах является одним из приоритетных направлений нашей деятельности. Но цели нашего клуба гораздо шире – консолидация действующих людей, и мы стараемся привлечь под флаг “Русского клуба” именно их.

Конкретная деятельность “Русского клуба” – тоже с большими претензиями. Она представлена такими именами, как Александр Пушкин, Михаил Глинка, Федор Шляпин, Александр Вертинский, Борис Пастернак, Булат Окуджава и многими другими... Юбилей этих выдающихся личностей достойно отметил наш культурно-просветительский союз. А впереди множество планов.

– Одна из главных дат культурной жизни нынешнего года – юбилей Тбилисского академического русского драматического театра имени А. Грибоедова. Как театр вместе с “Русским клубом” собирается отметить эту дату?

– Мы планируем очень пышно отпраздновать юбилей театра имени Грибоедова, старейшего на просторах постсоветского пространства – он был основан в 1845 году. Мы выпустили альбом, посвященный юбилею. Собрали огромный архивный материал. В этом нам помогли Государственный музей музыки, театра и кино, Национальная библиотека, Государственный архив Грузии, а также запасники нашего театра. Создали компьютерную версию его истории. Нас интересовало все, вплоть до старого клочка бумаги! Обратились и к частным коллекциям наших актеров, поклонников театра. Компьютерная версия стала основой для издания большого альбома. Будет развернута выставка – для этой цели использованы практически все архивные материалы. Обширная экс-

позиция – фотографии, афиши, программки, плакаты, костюмы, в которых выступали выдающиеся актеры театра, различные аксессуары, предметы бутафории – развернется на всех этажах театра Грибоедова и даже на фасадной части здания. Выпущена и сувенирная продукция – уникальный ежедневник с датами рождения актеров театра, как по сей день работающих в Грибоедовском, так и выехавших за рубеж, ручка с логотипом театра, значок, посвященный дате... Будет выпущена и юбилейная серия вина.

Празднование 160-летия запланировано на последнюю неделю октября.

Юбилейный сезон откроется 20 октября. 23-го пройдет премьера детской сказки “Чиполлино”. 28 октября состоится премьерный показ “Пяти вечеров” А. Володина. 29-го зрители увидят еще одну премьеру – “Поэма о старом Тбилиси”. В основе спектакля – знаменитая пьеса Цагарели “Ханума”.

“Поэма о старом Тбилиси” – это наше отношение к родному городу, в котором театр живет уже 160 лет! Мы хотим предложить зрителям красочный спектакль с музыкой, колоритом того Тифлиса, который мы так любим.

30 октября состоится торжество – семейный вечер с участием грибоедовцев, живущих в разных точках мира – России, Украине, США, Великобритании, Израиле. Мы уже получили их согласие на участие в юбилее. Это Ариадна Шенгелая, Борис Казинец, Элизбар Кухалеишвили, Ирина Квижинадзе, Виктор Захаров, Замира Григорян, Михаил Иоффе и другие. Мы приглашаем и

звезд грузинской и российской сцены. В числе последних – Кирилл Лавров, Лия Ахеджакова, Юрий Соломин, Богдан Ступка, Донатас Банионис, деятели культуры Армении и Азербайджана. Очень хотелось бы видеть на юбилее коллег из Цхинвали, Сухуми.

Приедут и известные критики и театроведы – Наталья Старосельская, Лана Гарон, Татьяна Шах-Азизова, Марина Дмитриевская... Собираемся пригласить на большой прием всех режиссеров, работавших на этой сцене, – это Гига Лорткипанидзе, Котэ Сурмава, Гоги Кавтарадзе, Гайоз Жордания, Леван Мирцхулава...

Мы обратились за поддержкой к средствам массовой информации – как грузинским, так и российским. Вели переговоры с российскими изданиями “Культура”, “Труд”, “Комсомольская правда”, “АиФ”, “Известия”, “Театр”, “Сцена”, “Петербургский театральный журнал”... Написали письма к редакторам грузинских газет с тем, чтобы ими была рассмотрена возможность еженедельных публикаций под рубрикой “К 160-летию театра имени А. Грибоедова”. Это материалы по истории театра, творческие портреты актеров, работающих в театре сегодня, а также тех, кто некогда блистал на его подмостках. Тот же Борис Казинец ныне служит театру в Вашингтоне и Нью-Йорке. Но он – грибоедовец по духу... Успешно работает в Днепропетровске Виктор Захаров, недавно получивший звание заслуженного артиста Украины. А наши замечательные ветераны сцены Наталья Бурмистрова, Тамара Белоусова? Необходимо вспомнить ушедших Валентину Семину, Мавра Пясецкого, Павла Луспекаева... Как и рассказать о ныне здравствующих актерах, создающих погоду в театре, – Людмиле Мгебришвили, Ирине Мегвинетухуцеси, Валерие Харютченко, Джемале Сихарулидзе, Николозе Гомелаури. В театре Грибоедова ставили великие Котэ Марджанишвили и Михаил Туманишвили, играла Верико Анджапаридзе, первую свою постановку осуществил Роберт Стуруа.

Я встречался с заместителем министра культуры, охраны памятников и спорта Тамарой Квариани, которая выразила позицию этого ведомства по отношению к юбилею. Министерство считает это событие значимым для культурной жизни страны и будет помогать нам в силу своих возможностей. Президент Грузии Михаил Саакашвили проявляет особое отношение к театру, считает его важным культурным мостом между Грузией и Россией.

Мы открыли сайт нашего театра. Теперь любой желающий сможет получить всю информацию о грибоедовцах. Добавлю, что юбилейный проект театр осуществляет при большой поддержке международного культурно-просветительского союза “Русский клуб”.

– А кто оплачивает мероприятия, связанные с юбилеем?

– Ведем переговоры с рядом организаций. Есть люди, готовые нам помочь. Нас всячески поддерживает Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Грузии Владимир Чиквишвили, один из наших постоянных зрителей и доброжелателей. Помогут нам, вероятно, и правительство страны, мэрия Тбилиси. Пока нам еще не отказывали, да и мы стараемся помогать стране. Проводим целевые спектакли для учащихся грузинских школ, чтобы показать им красоту русского языка, пробудить

интерес к его изучению. Театр Грибоедова занимает особую нишу в культуре Грузии, достойно выполняет свое предназначение.

– **Вы пришли в театр совсем молодым человеком. Сегодня вы – генеральный директор. Как, по-вашему, изменился театр за прошедшие годы?**

– Театр, конечно, изменился, как изменился и я. Пришел сюда юношей, а сейчас мне полвека. Изменились мир, страна, ценности. Но предназначение театра осталось прежним – нести русское слово, русскую драматургию, рассказывать, конечно, на языке искусства, о процессах, идущих в обществе, показывать грузинскую классику и современную драматургию.

– **Каковы же, по-вашему, сегодняшние болевые точки театра?**

– Стране, столько претерпевшей в постперестроечное время, действительно трудно. Но Грибоедовский театр всегда был вместе с этой страной – и в дни радостей, и в годы испытаний, во время парадов и революций. Грибоедовцы стояли рядом с грузинской интеллигенцией во время всех значимых для Грузии событий. Мы никогда не отделяли себя от большого грузинского культурного пространства...

Когда были райкомы, в приказном порядке формировались колонны зрителей. Я не считаю, что это было совсем уж неправильно. Сегодня говорят: пусть родители и дети сами решают, пойти им в театр или нет. Правомочна ли такая постановка вопроса? Думаю, когда-нибудь правительство, Министерство образования и науки Грузии придут к тому, что иногда необходимо чуть ли не силой приводить ребенка в театр. Может быть, у родителей нет средств или времени, и ребенок останется вне культурного пространства, мы не разбудим в нем интерес к театру! Если мы два-три раза приведем его насильно, в четвертый ему захочется прийти на спектакль самому. С чего-то надо начинать! Превьющая система не была такой уж плохой. Когда наступит более комфортное в экономическом отношении время, я уверен, мы к ней вернемся. Вернее, власть вернется. Ведь она заинтересована в повышении интеллектуального уровня народа. А театр – тот инструмент, который может пробудить интерес к культуре, литературе, языку, музыке... Кто-то, конечно, так и не воспримет искусство театра, но другой может стать постоянным зрителем. Люди ведь разные.

– **Труппа театра Грибоедова практически не обновляется. Пытаетесь ли вы как-то решать эту проблему?**

– Это большая проблема не только театра Грибоедова, но и всех русских театров на постсоветском пространстве. Вместе с правительством Грузии мы будем рассматривать вопрос об открытии русского курса. В ближайшее время будем говорить об этом в Министерстве культуры, охраны памятников и спорта Грузии, с руководством Тбилисского государственного университета театра и кино. Но нельзя все проблемы сваливать на нашу страну. Можно поговорить и с вузами России. Почему бы не ввести такую практику: выпускник должен отработать в театре за пределами РФ определенный срок. Почему бы и в самом деле не приглашать выпускников российских вузов? Другое дело, что эту идею нужно экономически проработать. Надо добиваться общежития, целевого

финансирования не только у правительства Грузии, но и России. Если российское правительство заинтересовано в продвижении русской культуры и русского языка на постсоветском пространстве. Ведь культура влияет на сознание человека. Хорошо, что грузинский пятиклассник сегодня изучает английский, французский, немецкий, испанский и – русский. Это обогащает! Хорошо, если он прочитает Пушкина в оригинале, а не в переводе. Также необходима программа продвижения грузинской культуры в России. Это тоже большая тема! Если мы хотим, что-

бы грузинский школьник читал Достоевского в оригинале, почему бы и в российских школах на каком-то уровне не проявить интерес к творчеству Руставели, Бараташвили, Чавчавадзе, Церетели, Думбадзе?

Еще одна мысль. Замечательно, если в спектакле грибоедовского театра примет участие, к примеру, Сергей Юрский. Ведь во МХАТе играют Отар Мегвинетухуцеси, Гуранда Габуния. К примеру, в конкретной постановке два раза в год может выступать российская звезда, а в остальных случаях – артист нашего театра. Это вызовет дополнительный приток зрителей...

– **Вышел в свет первый номер журнала “Русский клуб”. Каким вы представляете это издание?**

– Основным направлением этого издания, с моей точки зрения, должны быть российско-грузинские культурные, научные, экономические и иные связи. Причем важен как исторический, так и современный контекст данного вопроса. Предполагается, что его сотрудниками будут известные деятели культуры, науки. Хотелось бы, чтобы новое издание стало открытой трибуной для диалога. Мы стремимся привлечь к работе наших лучших журналистов, пишущих на русском языке. Уже вырисовывается хорошая команда. Конечно, мы ищем меценатов и просто людей, которым дорога концепция нашего издания, тема взаимоотношений России и Грузии. Мы надеемся, что нам помогут с финансированием проекта. Ведь производство некоммерческого журнала – дело довольно дорогое...

Инна БЕЗИРГАНОВА

РУССКИЙ КЛУБ

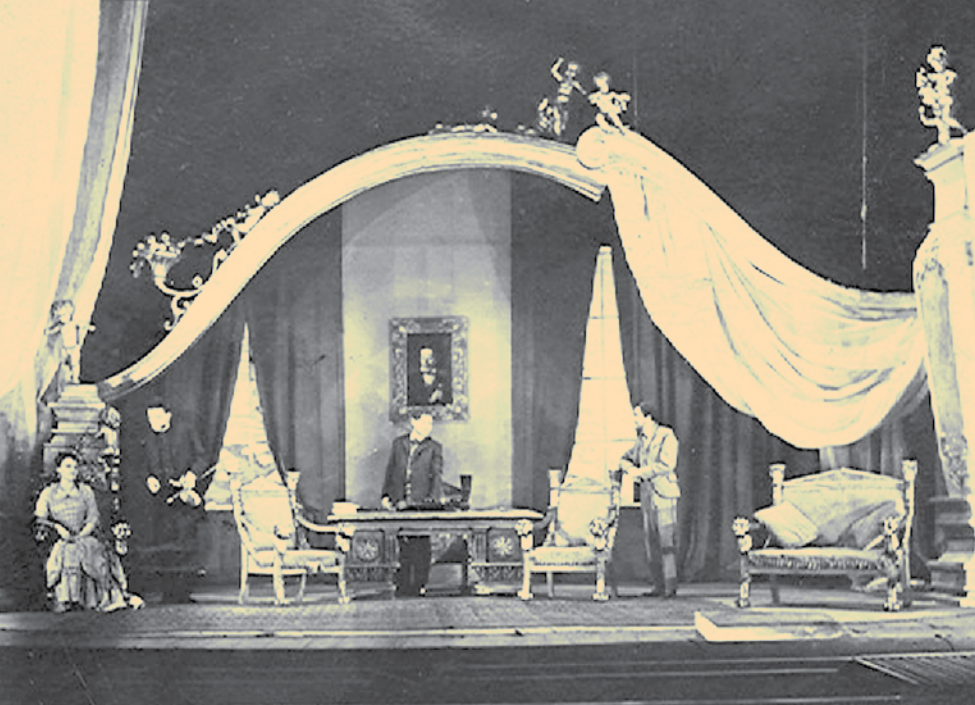
УБЕДИТЬ В НЕДОКАЗУЕМОМ – ЦЕЛЬ ИСКУССТВА

К 90-летию со дня
рождения
Георгия
Товстоногова

Среди почетных граждан Тбилиси есть одно имя, которое стоит особняком, во всяком случае, для людей театра – это Георгий Александрович Товстоногов. Его образ, окутанный легендами и папиросным дымом, останется здесь уже навсегда. В дни 90-летия со дня рождения Товстоногова его имя звучит в русском театре им. А.С. Грибоедова наверняка чаще, чем во времена, когда он работал там. И не удивительно. Тогда он был всего-навсего начинающим режиссером, правда, подающим большие надежды. Потому ему, выпускнику московского ГИТИСа, дали возможность поставить на этой сцене свой дипломный спектакль “Дети Ванюшина”, потому выдающийся грузинский актер Акакий Хорава, которому принадлежала тогда “вся театральная губерния”, поручил 24-летнему режиссеру первый актерский курс только что открывшегося театрального института.

Тогда было лишь начало восхождения. А сейчас Товстоногов для Тбилиси - родоначальник грузинской профессиональной школы режиссуры, о нем напоминает мемориальная доска в Грибоедовском театре. Его ученики - Михаил Туманишвили, Тенгиз Абуладзе, Резо Чхеидзе, Гига Лордкипанидзе, театральные критик Натэла Урушадзе - составляют гордость грузинского театра и кино. А для России Товстоногов был не только руководителем в течение 33 лет одного из лучших театров мира - Большого драматического театра, но и признанным лидером советского театра на протяжении трех десятилетий.

Перетягивание каната – грузинский он режиссер или русский - затея изначально бессмысленная, Грузия и Россия уже не смогут поделить Товстоногова никогда. Хотя в Тбилиси его и считают грузином, слишком долго задержавшимся в России, признать

в нем лицо кавказской национальности трудно. Но грузинская кровь по материнской линии и жизнь в Тбилиси до 30 с лишним лет сделали свое дело. Нет, не черное. Просто о грузинском менталитете он мог судить не понаслышке, он его впитал. Как истинный грузин любил поэзию и женщин. Если общение с поэзией доставляло только удовольствие - все помнят, как он любил читать стихи Орбелиани, то общение с женщинами, как водится, не обходилось без проблем. Со своей первой женой, актрисой и обаятельнейшей женщиной Саломэ Канчели, они довольно быстро расстались, и двух мальчиков практически растили мать и сестра Товстоногова. А много позже одно из его тбилисских театральных увлечений стоило ему карьеры и стало причиной, по которой пришлось подать заявление об уходе и покинуть Тбилиси. Если бы не эта случайность, не было бы у России Товстоногова. Как видно, “ищите женщину” – девиз на все времена. Что еще на все времена осталось от Грузии? Грузинский язык. Даже уехав из Тбилиси, он хорошо говорил по-грузински, правда, иногда забывал, что в грузинском языке много интернациональных слов, например, идиот или провинциальный. И еще навсегда осталось пристрастие к грузинской кухне.

Улица в старом районе, где он жил с родителями и младшей сестрой Нателой, теперь носит его имя, а на доме, как полагается, висит мемориальная доска, откуда следует, что именно здесь 28 сентября 1915 года он и родился. Легковерные люди, в том числе и приезжие журналисты, верят этому и пишут, что Товстоногов – уроженец Тбилиси. Иногда даже его русскому отцу приписывают тбилисские корни. Но это не так. Все дело в матери, она была грузинкой и коренной жительницей Тбилиси. Множество мифов витают вокруг биографии этого режиссера, о котором так любят вспоминать, доверяясь эмоциям и часто не заботясь о достоверности. Больше, чем сестра, о Георгии Александровиче не знает никто – и о жизни, и о творчестве. Натела Александровна вместе со своим мужем, замечательным артистом Евгением Лебедевым, прошла рядом с братом всю жизнь.

РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ

Итак, родился Георгий Александрович в Петербурге, на Фурштатской, а в Тбилиси семья перебралась уже после революции, в 1919 или 1920 году. Их отец происходил из дворянской семьи, по профессии был инженером-путейцем. Остаться в послереволюционном Петрограде было небезопасно, и они уехали по настоянию матери на ее родину - она была грузинкой, в Тбилиси жил ее отец. Родители Товстоногова познакомились в Петербурге, куда мама поехала учиться в консерватории. У нее был редкий, очень низкий красивый голос (ее дети частично унаследовали его), но на 3 курсе она вышла замуж и оставила учебу. О том, как родители с маленьким ребенком много-много дней добирались до Тбилиси и что пережили в пути, остались семейные предания. Есть и еще одно семейное предание. Оказывается, странной фамилией дети обязаны матери. Ей казалась неблагозвучной фамилия мужа – Толстоногов, и она умудрилась втиснуть туда букву В, после чего все они стали писаться Товстоноговыми.

До 37-го года идиллическое детство – у Гоги (как его называли дома) музыка, французский, немецкая школа, причем, сразу 5 класс и окончание школы в 15 лет. Пионер, активист-машинист на детской железной дороге в парке «Муштаиди», с 4 лет зараженный театром - он играл в ТЮЗе, которым тогда руководил замечательно талантливый Николай Маршак, работавший вне всяких систем. В семье мощные скандалы относительно будущего сына – отец тянул его по своим стопам и настоял на поступлении в ЗИПС (Институт путей сообщения). Москва и ГИТИС были позже. И каждые студенческие каникулы – постановка спектакля в ТЮЗе. 1937-го года миновать семье не удалось, над отцом нависла угроза ареста. Родители, взяв дочь, поехали в Москву искать справедливости, но в Ростове отца сняли с поезда и арестовали. Потом арестовали и всех родственников матери по мужской линии и их жен. Больше отца они не видели. Но посылки принимались, и теплилась надежда, что он жив. Она ждала его, даже когда всем стало ясно, что его уже нет. Считается, что их семье еще повезло - сыну врага народа дали доучиться и не тронули его мать, хотя после ареста она целый год ложилась

спать одетой – на случай ночного ареста. По счастью, их даже не выселили из квартиры, только отняли половину, и вместо 4 комнат осталось две.

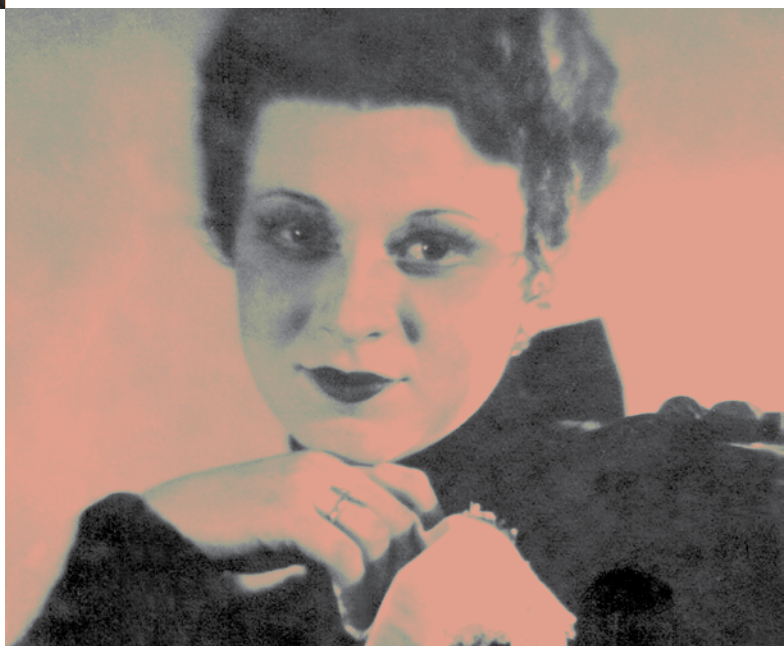
По окончании ГИТИСа возвращение в Тбилиси, с 1938 по 1946 год работа в Грибоедовском, актерский курс в театральном институте и учебные спектакли, о которых шла молва по всему городу. Режиссерскому взлету в театре Грибоедова способствовала сильная актерская труппа и непревзойденный директор, знаменитый в театральных кругах Константин Язонович Шах-Азизов. Позже, в Москве, став директором Центрального Детского театра, он откроет миру Ефремова, Розова, Эфроса.... Ему обязан своим блестящим будущим и Георгий Товстоногов, которого «вечный Шах» пригласил на постановку в Москву, в ЦДТ, где спектакль и режиссер были удостоены Сталинской премии. После такой награды молодому режиссеру из Тбилиси дороги были открыты всюду.

И еще у Товстоногова был друг – артист Евгений Лебедев, с которым они вместе приехали из Москвы. У Лебедева расстреляли и отца, и мать, он был родом с Волги. После института ему возвращаться было не к кому, он и поехал в Тбилиси. Выбор артиста пал на теплый южный город еще и потому, что у него не было зимнего пальто. Лебедева взяли в Тбилисский ТЮЗ, и театр снял для него комнатку, бывшую людскую, и не где-нибудь, а в квартире Товстоноговых. Георгий Александрович сразу пригласил его преподавать актерское мастерство на своем курсе. Тогда еще никто не подозревал, что лет через десять их связь будет не только творческой, но и родственной. Сестра Натела выйдет замуж за Лебедева, когда переедет вместе с племянниками к брату в Ленинград. А пока для сестры-школьницы, и ее брат, и их постоялец – ее будущий муж, были небожителями, она смотрела на них снизу вверх. Подросткам разница в девять-десять лет кажется космической.

Жаль, что сделать дом-музей Товстоногова в Тбилиси уже невозможно – после смерти матери в 1970 году квартира оставалась за режиссером на случай его приезда для постановок в тбилисских театрах. Но времени

для этого он не мог выкроить, и как человек чрезвычайно щепетильный, сдал квартиру государству, хотя никто этого не требовал. Теперь от прежнего дома и сада ничего не осталось. Прошлое только в воспоминаньях Нателы Александровны – решетки балкона, мать, любившая выходить на балкон и, как это принято в Тбилиси, переговариваться с соседями. Напротив них жила семья композитора Гии Канчели, они очень дружили, и их балконные беседы, благодаря уникальному голосу матери, слышали все в округе. Героем ее повествований, разумеется, был Гога. Вообще о матери режиссера любят вспоминать все, кто знал ее.

В воспоминаньях Нателы Александровны и война, и карточки, и два маленьких племянника, особенно болезнь младшего. Товстоногову как заслуженному деятелю полагалась продовольственная карточка, она ее отоваривала, а потом меняла паек

на деньги, их хватало на 100 г. мяса, чтобы сварить для малыша бульон. Сам Георгий Александрович хозяйством ни тогда, ни позже не умел заниматься – для этого были мать и сестра. Для него главным и единственным делом жизни был театр. По словам Нателы Александровны, он был человек русской культуры, а по характеру грузин – темпераментный, с повышенным чувством собственного достоинства. Не терпел панибратства, вне зависимости от положения со всеми был на «вы». Красиво умел ухаживать за женщинами, но никогда не дарил цветы и безделушки, а любил куда-то повести, что-то интересное показать.

ФЕНОМЕН ТОВСТОНОГОВА – РЕЖИССЕРА

Тбилисский Товстоногов–режиссер, вероятно, мало отличается от ленинградского. В воспоминаньях тбилисцев Товстоногов вот такой.

Театральный критик Натела Урушадзе:

В Москву приехал никому не известный режиссер из Тбилиси. Снимал угол у слепых в Козихинском переулке. Карточки, 500 г. хлеба. А дома – мать, сестра, двое

детей. Но приехал завоеватель. Поначалу пытался устроиться в передвижной театр. По счастью, в Москву в то время уже переехал бывший директор Грибоедовского театра Шах-Азизов, он посоветовал режиссеру поехать в Алма-Ату, оттуда пришел запрос на постановку советской пьесы. Вернувшись, Товстоногов с успехом ставил у Шах-Азизова в театре, а потом был Ленинград.

Он был создателем не спектаклей, а театров, умел выстраивать стратегию театра. Обладал железной логикой в сочетании с безудержностью эмоций. Но эмоции никогда не мешали ему. Для него, по Станиславскому, актер был владыкой сцены. Он очень ценил актерскую интуицию, эмоцию, всегда интересно определял задачу. А у актера рождалось ощущение, что это он сам догадался. Товстоногов утверждал театр режиссуры, а не театр режиссера. Произвола не было, хотя он был крайне требовательным. Внешне очень любезным, но твердым. И очень правдивым, до жестокости.

Из воспоминаний Котэ Махарадзе, называвшим себя народным артистом исчезнувшей цивилизации:

Я поступил в театральный институт в 1944 году, тогда был дефицит мужчин, и мы, студенты Додо Алексидзе, всегда были заняты в учебных спектаклях Товстоногова, Додо это разрешал. А вот Товстоногов обижался, если его студент репетировал еще у кого-то. Тогда раздавался грозный рокот густого баса: «Вам мало Товстоногова?» Он был невыносимый циник, если попадешь к нему на язык, пиши пропало. Со всеми был на «вы», и со мной, хотя мы часто виделись, когда он уже был в БДТ, дружили, я был тамадой на его 70-летию: «Умоляю, веди стол, а то начнут хвалить».

Логика у него была потрясающая, он мог убедить в чем угодно, и не поверить ему было нельзя: «Актер не должен даже подумать, что режиссер чего-то не знает». Те, кто репетировал у него, навсегда запомнили его «Эпшо раз!» Часто повторяли и его фразу, брошенную как-то на общем собрании труппы: «Я не съедобен!»

А какой был рассказчик, юморист. И какой мудрец!

Роберт Стура, называющий себя «внуком» Товстоногова:

Конечно, внук, ведь я учился у ученика Товстоногова - Туманишвили. К тому же, мы принадлежим к

одной профессии – «степных волков». Те, кто охотятся в одиночку. Я видел это его внутреннее одиночество, мне это очень понятно. Режиссер – не очень любимое существо. Я не жалею, это мужественная профессия, и он владел ею в совершенстве. Он из тех, кто упростил нашу профессию, сделал ее более понятной, как-то объяснимой, как любое ремесло.

Я с ним был знаком не по театру. Он мне казался замечательным. Я был просто влюблен в него – как в личность, как в режиссера. Хотя я представляю, что он был достаточно безжалостным в своей среде. Потому что в отличие от моих знакомых режиссеров он мог быть жестким, не прощать, как мы, простые смертные. Его, наверное, и ненавидели, я могу это представить. Но и очень сильно любили. Это чувствуется даже сегодня. Что вызывает во мне зависть, это сила его убедительности: когда он говорил, ты поддавался чарам его логики и все принимал без всякого сомнения. Хотя потом мог подумать - почему я с ним согласился?

Из воспоминаний знавших Товстоногова людей вырисовывается образ неоднозначный и уникальный. Особенно любят повторять самую известную его формулу: «Театр – это добровольная диктатура», - она с радостью подхвачена сегодняшними режиссерами – то ли в свое оправдание, то ли из профессиональной солидарности. Цитируют и такую фразу: «Артисту нельзя прощать ничего, иначе он подумает, что незаменим». И вместе с тем Товстоногов не терпел актерских замен, он ставил спектакль на определенного артиста, и дублеров у него не было. Уходил артист – умирал спектакль, его просто снимали с репертуара. Остается актуальной его мысль о национальном театре: «Вы – грузины. Ничего не надо делать специально, вы все равно будете выражать национальный дух».

И еще одна формула режиссера: «Убедить в недоказуемом – цель искусства». Это ему удавалось, как никому.

ПОД ЗАНАВЕС

Он умер в мае восемьдесят девятого. Ехал с шофером в автомобиле. Он никак не хотел примириться со своей болезнью сердца, не умел и не хотел лечиться. Товстоногов не дожил до политических перипетий нашего времени, до бурных выяснений отношений между Россией и Грузией. Можно себе представить его реакцию, если бы ему пришлось хлопотать о визе, чтобы приехать на родину...

Зато в сегодняшней ситуации имя Товстоногова и его наследие приобретают более широкий смысл. Это не только связь двух театральных школ и традиций, это связь двух народов. Символично, что пост главного режиссера в БДТ после Товстоногова занимает грузинский режиссер Темур Чхеидзе. Политики, выстраивающие искусственные декорации из железных занавесов, к сожалению, мало интересуются культурой и духовными связями, которые вне национальности. Не удивительно, что их политические игры не находят восторженного приема широкой публики. Остается надеяться, что жизнь окажется мудрее.

Вера ЦЕРТЕЛИ

СОСТОЯНИЕ, КОТОРОЕ МЫ НАЗЫВАЕМ СОЗНАНИЕМ

*К 75-летию
со дня
рождения
и 15-летию
со дня
смерти
великого
философа*

П-к М. Мамардашвили. Ск. Э. Неизвестный

«Я грузин и философ, с юности я нахожусь во внутренней эмиграции», - сказал Мераб Мамардашвили в интервью за два месяца до своей безвременной кончины (впрочем, что такое Время? И разве это когда-либо бывает вовремя?). Заголовок этой статьи – перефраз названия эссе Бродского: «Состояние, которое мы называем изгнанием». Изгнание – состояние, присущее любому истинному поэту и философу, где бы он ни жил. И, кроме всего прочего, как пишет Бродский, «изгнание учит нас смирению, и это лучшее, что в нем есть... И он[о] особенно бесцен[но] для писателя [добавим, и для философа – И.К.], потому что дает ему наидлиннейшую перспективу. “И ты далеко в человечестве”, как сказал Китс. Затеряться в человечестве... – вот к чему сводится изгнание. “Оставь свое тщеславие, - говорит оно, - ты всего лишь песчинка в пустыне. Соизмеряй себя не со своими собратьями по перу, но с человеческой бесконечностью... другая истина состоит в том, что

го общего по определению (с философом поэт встречался два раза, по свидетельству Анни Эпельбуан, но личные отношения у них не сложились, хотя огромное уважение философа осталось). Главный урок Бродского, постоянно чувствующего себя на отшибе, – ВСЕГДА ЕСТЬ ДАЛЬШЕ. Мамардашвили был убежден, что истина всегда дальше и что человек не может выскочить из этого мира, но на край света поставить себя может, и не мыслившим философию вне языка с его синтаксическими конструкциями.

И поэт, и философ – продукт одиночества и свободы («Одиночество есть человек в квадрате», Бродский, «То, что я есть, если вам это интересно, – это продукт одиночества и молчания», Мамардашвили), индивидуальность всегда сопряжена с этими двумя смежными способами существования. Обладая проясненной сущностью, поэт и философ создают собственные миры в свои 6 дней. И нет 7-го дня отдыха. Это жизнь мысли и слова как единичности, отдельности, «способности выстрадать свою судьбу как единственность жизненного пути» (определение счастья у Бродского), ведь «в метафизическом смысле слова (то есть в том смысле, как устроен мир) не бывает страдания во множественном числе, как не бывает и смерти во множественном числе – только в единственном!» (Мамардашвили). Необходимо иметь чуткий слух. А то, по словам Станислава Ежи Леця, «кастры духа тоже могут взять высокую ноту».

Главная черта поэзии – точность. И по верному замечанию Мамардашвили, «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно. Точность мышления есть нравственная обязанность того, кто к этому мышлению приобщен». Точность, скорее всего, сродни Абсолюту (а значит, и Создателю), и не означает правильность, зачастую отталкивающую несвежестью привкуса. Но она же и обязывает. «Человек есть усилие быть человеком», – постоянно повторяет философ. Иначе и быть не может. Ибо усилий от человека в первую очередь требует Бог, в отличие от дьявола, который легкодоступен. К примеру, несчастным быть легче, чем счастливым: не надо делать никаких шагов никуда. Рабом легче, чем свободным, любимым, чем любящим и т.д.

Стать и быть собой, избавившись от внешней шелухи, не так легко. Для этого надо уйти, а лучше сказать, войти в притяжение метафизической перспективы (что уже тавтология, так как метафизика, если вдуматься, и есть вечная перспектива). Метафизика требует эмоционального мужества (да и нравственность тоже...).

Для поэта и философа главное – это уметь отстраниться и, очеловечив человека, продолжить его вектор дальше, чем он сам о себе предполагает, и уж тем более вне любого национального ракурса, отведя ему определенное место в определенной иерархии, чтобы опять-таки научить его идти ОТ себя,

изгнание – состояние метафизическое. По крайней мере, оно имеет очень сильное, очень четкое метафизическое измерение; игнорировать или избегать его – значит ... обречь себя на то, чтобы жизнь помыкала вами, окостенеть в позе непонимающей жертвы». Именно потому, чтобы не стать и не чувствовать себя жертвой, необходимо сознание. Мамардашвили говорит: «Надо оставаться незаметным, не теряя свободы: это такая трудная задача, что нужно посвятить ей все свои силы...».

Многие из нас способны на такое смирение и на умение быть свободными? Мыслим ли мы себя без гордыни и выпячивания своего эго, выдавая свою спесь и внутреннее бессилие быть собой – быть человеком – за национальную гордость? И можем ли быть собой вообще? «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна», Новый Завет.

Возможно ли это? Да, говорит Мамардашвили. Что для этого нужно? «Впасть в состояние сознания», ибо «человек не дан, а каждый раз рождается заново». «Философствуют только исторические существа. И философия имеет прямое отношение к тому, есть ли такое существо или нет. Ибо знание свободы, опыт сознания как такового (“чистого”) конституирует человека: без такого знания и знания о таких вещах нет собственно человека как человека». Сам язык соединил в слове “сознание” значения двух других: “состояние” и “знание”. «Если же понимать под философией элемент некоего фундаментального устройства жизни сознания... тогда очевидно, что этот реальный процесс философской работы – работы думания – является частью жизни сознания, совершающейся в жизни в широком смысле слова, потому что жизнь в целом и есть жизнь сознания»; «Свобода не является предметом, на который можно ответить. Потому что она, как душа. Если человек говорит, что нет души, то единственное, что можно ему ответить: да, если ты так настаиваешь, у тебя нет души. В данном случае знание и есть сам человек, то есть человек есть то, что он знает», Мамардашвили.

Между метафизической поэзией и философией очень мно-

вовне, не искать повсюду только части мозаики собственного “эго”. Или просто умеющего быть открытым и готовым ко всему, отделять “зерна от плевел”. Как говорил одержимый идеей истины Чаадаев, “есть одно средство увидеть истину - удалить себя, почаще говорить себе, как Диоген Александру: отойди, не засти мне солнца”. Именно тяга идти дальше, бесконечная перспектива вот, что есть и должно быть главным в человеке как образе и подобии Божьем.

«...личностным мы называем то, о чем я говорил, а потому, назвав это личностным, сразу обнаруживаем, что мы употребляем особое понятие, потому что то, что мы локализуем как личность, явно не есть, скажем, грузин, русский, индус и т.д. То есть мы употребляем понятие личности только для того, что составляет в человеке нечто субстанциональное, принадлежащее к человеческому роду, а не к возможностям воспитания, культур и нравов. Ну, скажем, я Будду или какого-нибудь индийского мудреца могу узнать только в той мере, в какой он сам выделен в качестве личности, т. е. не индуса. И вот личностные структуры существуют только на этом уровне и в этом разрезе», Мамардашвили. “Я всегда полагал и все еще полагаю, что человек, человеческое существо, должен определять себя не в категориях этики, расы, религии, философских убеждений, гражданства или географии, вообще вне подобной обусловленности. Но прежде всего он должен себя спросить: “Я трус? Я благородный человек? Или я лжец?”, Бродский.

«...нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его», Новый Завет.

«В моем понимании евангелическое Слово стоит вне церкви и церковной иерархии... Евангелический элемент Возрождения есть возвращение к Евангелию как внутреннему Слову, спрятанному глубоко в человеке. Человек должен знать и следовать этому слову, т.е. должен пройти путь, знаменем и символом которого является Христос. Пройдение этого пути и есть момент мирозидания без оглядки на авторитеты, на этом пути ты стоишь один на один перед лицом всего мира. Отсюда и возрожденческая идея индивидуализма и независимости человека... С тех самых пор, как существует евангелическая точка отсчета, существует одна простая закономерность: условием нормального существования и полноценного живого функционирования черт национального характера являются личностные начала, которые зацеплены именно на универсальное, на общечеловеческое в человеке. Если истребить в нации личностные начала, которые вненациональны, являются историческими началами человека как такового, независимо от его этнической принадлежности, то лучшие черты нации исчезнут. Именно это - основа любой духовности, ибо суть ее в том, что выше родины в ней всегда стоит истина. Я истину ставлю выше моей родины и у меня возникает вопрос: многие ли грузины способны поставить истину выше видимого интереса своей родины. А если не могут - то они плохие христиане», Мамардашвили.

Из интервью И.Бродского: «Отстраненность сознания – это, наверное, самое главное, о чем я могу сегодня рассказать... любая доктрина ограничительна. Потому что чисто метафизический потенциал у человека гораздо выше, чем то, что может предложить ему любая религия, доктрина, система и тому подобное». “Никогда не нужно бояться зайти слишком далеко, потому что истина - еще дальше”, М.Мамардашвили.

Именно поэтому великий философ видел свой народ и судьбу своей страны более объемно, будучи здравомыслящим философом с «Божественной трезвостью», говоря словами Цветаевой. «Ему было дано видеть... Истину и ложь. Добро и зло. Он всегда занимал ту позицию, что связана с чувством абсолютной личной вины и одновременно ответственности. А это и есть философская позиция. Не надеяться ни на что и в то же время надеяться абсолютно», - говорит его ближайший друг Юрий Сенокосов.

Мамардашвили гораздо интереснее понимать, чем отвер-

гать. Отрицать всегда легче (напомним: человек есть усилие, легкодоступность – не от Творца). Жить, не приходя в сознание, аплодируя вождям, не отрываясь от быта и забыв о бытие – это ли нам нужно на самом деле?

Из лекции М.К.: «...Подлинным мышлением является то, о котором говорил Платон: мышление как воспоминание себя. Не искать аргументы и термины для уже существующего в тебе неанализируемого состояния страсти и желания, а вспомнить, т.е. осуществить акт полной рефлексии по отношению к самому себе. Довести свое состояние, которое властно владеет тобой... до ясности. И ответить на вопрос: что я в действительности чувствую, почему меня это волнует, почему я это люблю, почему я это ненавижу, почему это мне нужно. Например, человек задает вопрос: могу ли я поверить в ум, искренность, добронамеренность и способности нынешних вождей?.. Весь смысл в том, чтобы спросить себя и ответить себе на вопрос: “Почему я хочу вождя?” Отвечая на этот вопрос, очень многое можно узнать. Не о качествах вождя, а о том, каков ты, каково общество и что ты можешь и должен сделать».

В 90-х годах современный русский писатель В.Пелевин на встрече с читателями в Москве заметил: «Мы, не пройдя самоидентификацию, начали самореализацию». Приблизительно то же можно было сказать и о ситуации в Грузии. Тогда, в начале 90-х годов, разбуженный зверь национализма в стране уничтожал то истинное и то особенное, что было изначально присуще грузинам. Мамардашвили был иным – сначала советской системе, потом - националистам, а значит своим – истине и Творцу (вспомним евангельское: «Бог мыслит иначе»). Об этом написано достаточно, чтобы понять, с кем и кем был философ, и именно поэтому не хочется говорить только о том времени. «Я считаю, - говорил Бродский, - что вообще на Зле концентрироваться не следует. Это самое простое, что может сделать человек, то есть концентрироваться на тех обидах, которые были ему нанесены. Зло побеждает, помимо всего прочего, тем, что оно как бы вас гипнотизирует. О Зле, о дурных поступках людей, не говоря о поступках государства, легко думать – это поглощает. И это как раз дьявольский замысел».

- Мераб действительно был яркой личностью, - говорит директор Института философии им.С.Церетели АН Грузии Михаил Бежанишвили. – Как истинный философ, Мераб жил скромно, материальные блага для него ничего не значили... Философствование для него, прежде всего, означало поиск правильного ориентира в сложном лабиринте общественной жизни. Вспоминается один эпизод из тбилисского периода жизни Мераба. В государственном университете проходило совещание, точно не помню какое. Один из выступающих ораторов, всеми уважаемый ученый, с высокой трибуны заявил: меня полностью удовлетворит национальная крыша над моей головой, большего я желать ничего не хочу. И вдруг в зале раздался голос Мераба: если вы под такой крышей не соорудите общечеловеческий чердак, ваша крыша обвалится и всех нас раздавит.

Из беседы с Мерабом Мамардашвили: «Грузинская интеллигенция не использовала последние пять лет, чтобы сказать правду своему народу. Вместо того чтобы бороться с уже привившимися дурными качествами - с ложно понятым патриотизмом, отсталостью, влюбленностью в себя, спесивостью, убежденностью, что мы самые хорошие, самые умные, самые красивые и никто другой нам не нужен, - интеллигенция подыгрывала порокам, укorenившимся в народе, подыгрывала вместо того, чтобы выполнять функцию, возложенную на нее еще в 19 веке и выраженную Якобом Гогешашвили в следующих словах: интеллигенция призвана создать нового грузина, грузина, который будет свободен от провинциальной самовлюбленности, кичливости и позерства. Идея нового грузина - это структурирование по национальным принципам нашей свободной политической, хозяйственной и культурной жизни. Для этого грузинский народ сперва должен внимательно посмотреть на

себя в зеркало, устыдиться своего облика, бахвальства и бездельничанья, своих рабских реакций и стереотипов, устыдиться своих умерших и задуматься: кем я был все эти годы? что я делал? кому верил? за кем шел? Должен содрогнуться от стыда и отвращения и тогда перед ним откроется путь к свободе, свободе, которую надо построить, так как лишь от прочувствованного стыда родится энергия возрождения. Именно поэтому необходимо, чтобы кто-то каждый день говорил своему народу: захотел вождя? Осторожно! Знай - это рабство!»

Говорит председатель Фонда философских и междисциплинарных исследований им. Мераба Мамардашвили, заместитель директора “Московской школы политических исследований”, хранитель лекций философа и издатель книг М.К. (фактически он и сестра Иза Константиновна сохранили для нас лекции, беседы и остальные труды М.К.), Юрий Сенокосов:

- Как говорил Мераб, если понимаешь себя, тогда легче жить, даже если вокруг запустение и мерзость. А Грузия, я уверен, возродится, хотя путь предстоит не легкий. Говорю банальности, но я в них верю.

- М.К. говорил о культуре демократии, заметив в частности, что это форма, “демократия... формальна, а не предмет, который можно было бы распределять равным образом среди других, что и называлось бы демократией или демократическими правами. Стоит только в демократию внести какое-то содержательное определение, то есть материализовать его, как демократия разрушится. Она станет частной”. На какой безумной исторической (я добавила бы: истерической) кривой, находится сегодня русская и грузинская демократия, по Вашему мнению? И находилась тогда, в 90-е годы?

- Демократия - это общественный процесс, когда приходится договариваться, вступать в отношения, считаться с тем, с чем ты не согласен. Отвечая на вопрос, какая форма правления

форму коллективными усилиями и государственную и гражданскую - придется, а иначе как?

- М.К. говорил: “Человек не может выскочить из мира, но на край света он может себя поставить”. До какой степени, крайней точки можно оставаться в стороне от происходящего, чтобы отстраненность не переросла в безнравственность? Ведь далеко не все вмешиваются...

- Не существует “крайней точки”, когда можно остаться в стороне от происходящего. Мы же живые люди, и у каждого человека эта точка своя. Человек, подобно Мерабу, которого волнует судьба страны, постоянно находится в “точке”. Ваша точка, судя по всему, совпадает с моей. Я тоже переживаю нечто общее, которое называется гражданским обществом. Меня тоже волнует проблема, как сделать так, чтобы в России изменилась природа традиционной власти - бюрократии, продажных чиновников, появившихся олигархов. Так что Мераб не мог не “вмешаться”. И его голос будет услышан.

В наше время, когда размышления и глубину чувств заменяет информация и поверхностное скольжение по жизни, когда нас на Земле все больше, так важно вспомнить себя (опомниться порою), задуматься, проясниться, пробудиться. По крайней мере хотя бы для того, чтобы не сделаться достойным демагога или тирана. “Бараны и тираны видят одни и те же сны”, - говорил философ.

Поэт и метафизик (Мамардашвили был именно метафизиком), следуя все дальше, превращают человека в идею человека, непосредственно приближаясь к его изначальному замыслу. А идею превращают в человека. Очеловечивать человека может культура и философия. И причем чтобы интеллект не был направлен в какую-либо одну сторону и только по земле стелился, не замечая неба...

Продолжая христианское «ненавидь грех и люби грешника», а также заповеданное: узнавать человека по плодам его, Мамардашвили говорит: «Мы судим дела, а не людей, т.е. состояния, а не их носителей. Людей же пусть судит Бог».

Человек, который, по собственному признанию, был не способен «читать заранее написанный текст», иначе говоря, чья мысль не оставалась ни на минуту, и, равно как у поэта, любая точка у него становилась точкой отсчета, родившийся не в Европе и бывший всю жизнь настоящим европейцем по духу и образу мысли и жизни, читавший лекции на английском, французском, русском, грузинском языках; философ, для которого постоянное усилие быть человеком представляло собой естественное состояние, умел удерживать в себе и землю, и небо. Он говорил: «Наша ситуация такова, что у нас есть крылья, которых мы не знаем». Он хотел видеть человека проясненного, в котором проступает образ и подобие, как было замыслено изначально. И мы по идее тем самым воплощаем небесную “установку” на земном, метафорическом, уровне.

...Сейчас из окна комнаты Мераба Константиновича, здесь в Тбилиси, стало видно меньше неба, половину которого отхватили безличностные новостройки.

(“Я скажу это начерно, шепотом./Потому что еще не пора:/Достигается потом и опытом/Безотчетного неба игра./И под временным небом чистилища/Забываем мы часто о том,/Что счастливое небохранилище -/Раздвижной и прижизненный дом”, О.Мандельштам).

лучшая, Сократ когда-то ответил: демократия. Потому что она позволяет жить, как кому нравится - подло или высоко, низко или благородно. Но договориться тем, кто претендует при этом на власть - олигархам, военным, монархистам, республиканцам - трудно. Практиковать сложность жизни всегда трудно. Да, демократия формальна и поэтому она взывает к форме. А форма, и Вы это знаете, без труда души не появляется. Но я опять же уверен, что у каждого народа есть чувство формы, в том числе и общественной, и он к ней стремится. Создать

Инна КУЛИШОВА

ВЕЛИКИЙ СЫН ТЕРПСИХОРЫ

Мои мемуары, посвященные Вахтангу Чабукиани, пока далеки от завершения. Они все еще пополняются воспоминаниями его современников, жизнь которых была одухотворена светом общения с легендарным танцовщиком.

«Чародей танца» - так назвал его Котэ Махарадзе в нашем с ним телевизионном фильме, снятом еще при жизни великого маэстро.

Тогда наша творческая группа (фильм снимал ведущий оператор грузинского телевидения Игорь Нагорный) объездила Москву и Ленинград и встретила со всеми выдающимися партнерами Вахтанга Чабукиани.

«Я счастлива, что видела в расцвете сил гениального танцовщика, искусство которого неповторимо, - рассказывала звезда Мариинского театра Алла Шелест, - незабываема премьера балета «Отелло». В спектакле участвовали наши ведущие солисты Ирина Колпакова (Дездемона), Инна Зубковская (Бланка), Нонна Ястребова (Эмилия). Незаменим был Яго в исполнении Зураба Кикалейшвили. Шквал аплодисментов оглушил зрительный зал, когда на сцену Мариинского театра взлетел кумир ленинградской публики Вахтанг Чабукиани. Это был, как отмечала пресса, поистине «шляпинский спектакль».

Перед нами стоял титан, который творил танец, вдохновенное искусство

летнего искусства Михаилу Лавровскому с просьбой поделиться своими воспоминаниями, он с готовностью отозвался.

«Мой дебют на сцене Большого театра состоялся в балете Б. Асафьева «Пламя Парижа». Когда-то заглавную партию в нем танцевал Вахтанг Чабукиани. Для меня это было символично.

В моей жизни Вахтанг Михайлович сыграл огромную роль и как артист, который повлиял на формирование моего творчества, и как человек, который помог мне в трудную и решающую минуту жизни. В нашей семье искусство воспринималось как живая повседневность.

В свое время отец был главным балетмейстером Мариинского театра (тогда театр носил имя С. Кирова), а с 1944 года двадцать лет с небольшими перерывами был главным балетмейстером Большого театра и всегда восторгался талантом и мастерством Вахтанга Михайловича.

Моя мама, Елена Чикваидзе, была первой партнершей и большим другом великого танцовщика. Она преклонялась перед его гением, так что имя Вахтанга Чабукиани было у меня на слуху уже с раннего детства.

Мне трудно объективно судить о мастерстве Чабукиани и сравнивать с другими выдающимися танцовщиками его времени.

Киноленты – да! Киноленты сохранились. И две из них – «Баядерка» и «Тарас Бульба».

Тогда он был в расцвете сил. Они дают замечательное, но к сожалению, не полное представление об этом артисте. Со временем я понял, почему. Театр силен своей сиюминутностью, непосредственным воздействием сценического обаяния, личности артиста. Кино показывает, в основном, внешнюю форму, хотя личность видна везде и всегда.

Когда я танцовщиком-солистом приехал в Тбилиси на гастроли, помню, в репетиционный зал вошел уже совсем не молодой Вахтанг Михайлович, он должен был дать «мастер-класс» - урок!

Тогда я воочию столкнулся с чудом.

Ноги у Чабукиани поднимались с трудом, спина почти не гнулась. Он уже давно не танцевал. Но стоило ему выйти на середину зала и показать несколько

С таким же восторгом говорили о непревзойденном мастерстве Вахтанга Чабукиани звезды мирового балета Галина Уланова, Майя Плисецкая, Наталья Дудинская, Татьяна Вечеслова, Раиса Стручкова.

Нашим «гидом» во всех этих встречах был Миша Лавровский, тогда еще молодой солист Большого театра.

Впоследствии, когда я обратилась уже к мэтру ба-

движений, как все вокруг него стало серым, маловыразительным.

Перед нами стоял титан, который творил танец, вдохновенное искусство.

Приблизиться к нему было невозможно. На его фоне меркло всё.

Тогда я подумал: каким же он был по силе воздействия в молодости!

В дальнейшем, когда я приезжал в Тбилиси на гастроли, я всегда репетировал свои партии с Вахтангом Михайловичем.

Он помогал мне морально. Он спас мою карьеру на крутом повороте творческой судьбы. Один период я работал в Тбилисском театре оперы и балета главным балетмейстером. Это были замечательные годы.

Тогда жизнь ближе свела меня с Вахтангом Михайловичем. И что меня всегда поражало: мы, молодые танцовщики, балетмейстеры, столько видели и видим спектаклей, фольклорных ансамблей, видеозаписей, а поставить что-то монументальное не очень-то удается. А ведь Вахтанг Михайлович в свои молодые годы ничего этого не видел, не имел особого хореографического образования, но поставил такие блистательные балеты, как «Лауренсия», «Сердце гор», «Отелло»...

С большим искусством он обновил главную мужскую партию в балете «Баядерка». Учитывая новейшие традиции мужского танца и ориентируясь на собственный исполнительский стиль, Чабукиани превратил партию Солора в непрерывную гармонию движений. Его данные до такой степени отвечали новой интерпретации образа, что творческий коллектив Мариинского театра был ошеломлен.

Во многих старых классических спектаклях мужские вариации были поставлены им.

Своим талантом он «реанимировал», осовременил классический балет.

Сегодня мужской танец меняется. Мы все время с подобострастием смотрим на Запад, хотя драматургические, сюжетные, больших страстей балетные полотна европейский балет взял у нас.

Это прекрасно, что большую половину своей жизни Вахтанг Чабукиани посвятил Грузии. Он истинный патриот своей родины.

Но я уверен, останься Вахтанг Чабукиани в Москве или в Ленинграде, он постоянно соприкасался бы с западным искусством, и его влияние на мужской танец, одухотворенное рыцарской романтикой, прекрасное по своей красоте и силе, сохранилось бы как эталон в искусстве мировой хореографии.

Из далекого Парижа откликнулась французская балерина Этери Пагава.

«Я имела счастье танцевать с Вахтангом Чабукиани в балетах «Жизель» и «Дон Кихот». Это было в 1967 году. Каждая встреча с ним оставляла неизгладимый след в моей жизни.

Вахтанг Чабукиани – величайший танцовщик и балетмейстер нашей эпохи.

Уже исчерпаны все эпитеты и сравнения.

Могу только добавить, что в каждой его постановке живет частица его души. Как и в каждом человеке, который хоть когда-нибудь с ним общался. И в этом, вероятно, бессмертие великого таланта.

Идут годы... Приходят новые поколения мастеров балета, но интерес и любовь к великому сыну Терпсихоры не убывают.

И когда голубой экран позволяет нам в какой-то мере возратить магический танец легендарного танцовщика, мы вновь становимся причастными к миру красоты, любви и совершенства.

Нелли УЗНАДЗЕ

УНИКАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИЩЕТ ПОДДЕРЖКИ

В этом некогда весьма примечательном, а сейчас обшарпанном здании, как говорят, со следами былой красоты, остро нуждающемся отнюдь не в легкой косметической операции, а в основательном капитальном ремонте, хранятся настоящие сокровища культуры. Многие из них имеют непосредственное отношение к истории русского театра в Грузии.

– Русская театральная культура в Грузии исторически была значимым явлением, – рассказывает театровед Александр Шалуташвили, уже двадцать лет возглавляющий музей. – Вскоре исполняется 160 лет с того самого дня, как в нашей стране родился профессиональный театр. Это был период, когда культурная жизнь в Грузии практически замерла. И первым инициатором ее оживления был наместник русского царя в Закавказье граф Воронцов. К сожалению, на протя-

жении многих лет об этом человеке говорили только в отрицательном контексте, что несправедливо. С нашей стороны это проявление огромной неблагодарности. Граф Михаил Воронцов был просвещенным человеком. Именно он обратился к царю с предложением создать в Грузии русский, грузинский театры и оперу. Но этот дипломатический ход позволял Воронцову добиться финансирования трех огромных культурных центров. В первую очередь, естественно, он организовал русский театр, финансирование которого осуществлялось государством. Это было бы невозможно без участия царя.

Хочу напомнить, что в Грузии Александр Грибоедов написал первые два акта “Горя от ума”. Первая постановка на грузинской сцене была осуществлена в 1832 году в доме Р. И. Багратиони на Дворцовой улице, почти на том же самом месте, где ныне стоит здание Грибоедовского театра.

Грузинская интеллигенция, представители дворянства устраивали музыкальные, литературные вечера, организовывали салоны. Их инициатором и участником был все тот же граф Воронцов.

Однажды наместник посетил спектакль, поставленный по комедии Георгия Эристави. В ней обличаются пороки общества, в частности, русское чиновничество. По окончании спектакля в зале воцарилась странная тишина, которую нарушили аплодисменты Воронцова. Он встал первым и вместе с женой горячо приветствовал участников постановки. Таким образом

А. Шалуташвили

он поддерживал возрождение грузинского театра и развитие грузинской драматургии.

Хочу отметить взаимовлияние, взаимообогащение грузинского и русского театрального искусства. Достаточно назвать Александра Сумбаташвили-Южина. Он получил театральное образование в Грузии. Первые шаги на сцене сделала у нас и Александра Яблочкина, ведущая актриса Малого театра. Георгий Товстоногов начинал свой путь в искусстве тоже в Грузии. А Роберт Стураа свой дипломный спектакль поставил на сцене театра имени А. Грибоедова – как и нынешний ректор Тбилисского университета театра и кино Георгий Маргвелашвили.

Примечательно, что первые гастроли Малого театра по инициативе Александра Южина состоялись не где-нибудь, а в Грузии. Не было ничего значительного в театральном искусстве России, что не получало бы известности в Грузии. К примеру, в Тбилиси гастролировал театр Всеволода Мейерхольда...

Когда русский театр обрел статус государственного, Котэ Марджанишвили было поручено выработать его творческую стратегию. В нашем музее хранится афиша, подготовленная режиссером. В ней отмечено, что для постановок будут приглашены режиссеры Всеволод Мейерхольд, Сандро Ахметели, художники Лад

Гудиашвили, Елена Ахвеледиани, Ираклий Гамрекели. А заведующим литчастью назван ни кто иной, как Григол Робакидзе. Это интеллектуальная элита, которая была привлечена к работе в русском театре.

– Какие еще экспонаты хранятся в вашем музее?

– Русские афиши начиная с 1850 года, афиши периода творчества Александры Яблочкиной, гастролей Малого театра, театра Мейерхольда. Мы обладаем огромным фотоматериалом, программами, мемуарной литературой, ценными воспоминаниями. Копии около 600 единиц музейных экспонатов мы подарили театру имени Грибоедова. Это был наш дружеский жест в связи с юбилеем театра.

В музее хранится огромный материал, отражающий 160-летнюю историю этого театра. Красноречивое свидетельство дружеских контактов грузинского и русского театров – тот факт, что в разные дни на одну и ту же сцену выходили как грузинские, так и русские актеры. Это был необыкновенный творческий тандем.

Лев Толстой с восторгом писал о театральной культуре Грузии. Разделял его мнение и автор “Трех мушкетеров” Александр Дюма, восхищаясь зданием театра. К этому приложили руки большие мастера – архитекторы и, конечно, великолепный организатор театрального дела Михаил Воронцов. Как только Воронцов уехал из Тбилиси, было прекращено финансирование как русского, так и грузинского театра, а также итальянской оперы... То, что искусство спасет страну и народ, прекрасно понимали люди того времени. И мне приятно

отметить, что первым инициатором этих интеллектуальных шагов был замечательный русский человек, большой интеллигент граф Воронцов.

Но вернемся к вашему вопросу об экспонатах музея. У нас хранятся воспоминания Туганова, который на протяжении пятнадцати лет руководил Грибоедовским театром. Он рассказывает о своей деятельности, контактах, проблемах, которые возникли в театре в связи с приходом большевиков. Это отпечатанный на машинке текст.

Обладаем мы и экспонатами, связанными с украинской культурой. Первым, кого пригласил Воронцов в качестве руководителя русского театра, был Георгий Яценко – украинец по происхождению. Он осуществил постановки украинских произведений на русской сцене и тем самым приобщил грузинский народ к украинской культуре, драматургии. Интересно, что украинский профессиональный театр родился в 1881 году, а четырем десятилетиями раньше, в 1845 году украинец создает русский театр в Тбилиси. Тбилиси стал настоящим культур-

ным центром национальных театров! В определенном смысле историю украинского театра можно начинать с Тбилиси.

– Александр Георгиевич, кто является основателем вашего музея?

– Создатель музея – он обрел государственный статус в 1927 году – Давид Арсенишвили, большой организатор, бескорыстный подвижник музейного дела, который в дальнейшем стал первым директором Музея Андрея Рублева. Кстати, он первый осуществил постановку фрагментов пьесы Грибоедова “Грузинская ночь” в драматической студии. Спектакль был показан в помещении цирка.

Так вот, в 1929 году Давид Арсенишвили организовал в Тбилиси, Ереване и Баку выставки на тему “Грибоедов и его эпоха”.

Вначале наш музей располагался в здании на бывшей площади Маркса. Он часто менял пристанище – подходящего не было. И только в 1991 году нам представили нынешнее здание. К сожалению, оно находится в аварийном состоянии и нуждается в капитальном ре-

монте и реконструкции. Мы даже не имеем возможности проводить выставки. Требуются огромные средства, чтобы реконструировать помещение, приспособить для выставок определенные залы, создать для хранения экспонатов требуемый температурный режим, режим влажности.

– *Позвольте задать вам, быть может, не совсем корректный вопрос. Какими экспонатами вы особенно дорожите?*

– Многими. У нас зарегистрировано 160 тысяч экспонатов. Среди них – античная маска, которую нашла археологическая экспедиция. В ней участвовал профессор Дмитрий Джанелидзе, театральный режиссер и историк грузинского театра. Он и принес в музей эту уникальную мраморную маску. Еще один интересный экспонат связан с именем Котэ Марджанишвили. Как известно, он создал знаменитый Свободный театр. В музее хранится его занавес. Автор – известный художник, участник объединения “Мир искусства” Константин Сомов. На нем изображены персонажи комедии дель арте. Занавес обработан шелковыми аппликаци-

ями. К сожалению, занавес требует реставрации, что связано с большими расходами.

В музее хранятся работы “мирискусников” Льва Бакста, Александра Бенуа, а также Ладос Гудиашвили, Давида Какабадзе, Елены Ахвледiani...

Есть и письма Федора Шаляпина, архивы Ладос Месхишвили, Шалвы Дадиани, Васо Абашидзе, Дмитрия Аракишвили... У нас хранится первая музыкальная запись, осуществленная на старинном звукозаписывающем аппарате Эдисона. Это народные песни, приобретенные Дмитрием Аракишвили у Захария Палишвили. Кстати, музей является обладателем автографов композиторов Петра Чайковского, Николая Римского-Корсакова, клавира первой грузинской оперы “Кристина”, чудом спасенной части архива Сандро Ахметели, большого архива Котэ Марджанишвили.

Здесь хранится любопытное письмо основоположника Кутаисского театра актера Константина Кипиани, который предлагает на рассмотрение великому князю Михаилу Николаевичу Романову проект по развитию Боржома – как сказано в письме, “Боржомского имения”... И ответное письмо от начальника канцелярии последнего наместника царя в Закавказье Михаила Романова. Предложение Кипиани было отклонено...

Кстати, однажды в Доме художников на трех этажах была развернута масштабная экспозиция музея. В ней были представлены экспонаты, связанные не только с грузинским, но и с русским, армянским, азербайджанским театрами. Персидские миниатюры, гравюры...

Одна изображает сцену из постановки “Горя от ума”, в которой выступили высшие русские офицеры. Спектакль прошел на манеже...

В 2000 году наши экспонаты – работы театрального художника Дмитрия Оцхели – были выставлены в Лондонском Королевском театре и вызвали большой интерес английской общественности.

– *Музей переживает финансовые трудности. Каковы перспективы разрешения этих серьезных материальных проблем?*

– Нас финансирует Министерство культуры, охраняет памятники и спорта... К сожалению, у нас нет никакой возможности что-нибудь приобрести – работы художников, архивы разных деятелей культуры. Так, мы хотим взять на хранение богатейший архив Дмитрия Джанелидзе, но не имеем для этого необходимых средств. Сейчас мы отправили письмо на имя мецената Бидзины Иванишвили с просьбой помочь нам. Скрипачка Лиана Исакадзе собиралась основать здесь музыкальный центр, мы с удовольствием с этим согласились. Но потом она обиделась на министерство культуры, а заодно и на нас... Идея не осуществилась.

Уже двадцать лет мы выпускаем ежегодник – альбом юбилейных дат. На обложке по традиции – автографы юбиляров. Среди них не только музыканты, деятели театра и кино, но и поэты... И это вполне закономерно. Ведь на стихи Галактиона Табидзе, Анны Каландадзе и многих других написано немало музыкальных произведений... Так что наш музей по своей сути уникален.

Инна БЕЗИРГАНОВА

СУДЬБА ДИРЕКТОРА КАВКАЗСКОГО МУЗЕЯ

Национальная Парламентская библиотека Грузии им. Ильи Чавчавадзе и Библиотека Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа являются правопреемниками учрежденной в январе 1846 г. заместником на Кавказе Михаилом Семеновичем Воронцовым Тифлисской публичной библиотеки. В 1869 г. эта библиотека была объединена в одно управление и передана в ведение директора Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки. Им становится ученый-естествовед, выходец из Германии, Густав Иванович Радде, доктор наук, заслуживший репутацию эрудированного ученого. В 1903 г. Императорская Академия наук утвердила в должности директора Александра Николаевича Казнакова – путешественника, этнографа, историка, исследователя Тибета. Как некогда успешная научная работа в составе Сибирской экспедиции Императорского русского географического общества (ИРГО) стала рекомендацией для начала научной деятельности Г. И. Радде на Кавказе, так и для 32-летнего А. Н. Казнакова успешная научная деятельность в составе Монголо-Камской научной экспедиции ИРГО (под руководством П. К. Козлова) и его монография «Мои путешествия по Монголии и Каму» стали рекомендацией на должность руководителя Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки.

Вступив в должность директора, он всю свою энергию и организаторские способности на протяжении 14 лет направлял на превращение и музея, и библиотеки в учреждения мирового значения.

Обосновывая свою позицию по преобразованию Тифлисской публичной библиотеки в Кавказскую научную библиотеку, он писал: «На заседании КОИРГО (Кавказское отделение Русского географического общества – Ред.) 10 мая 1852 года было решено учредить в Тифлисе общий Кавказский музей, в котором предполагалось сосредоточить по возможности все, что касается этнографии, истории и естествознания края. В том же году была избрана дирекция для заведования делами Музея и назначен особый консерватор. По приказанию заместника М. С. Воронцова Музею было передано собрание древностей из окрестности Керчи. Местное общество также обогатило Музей рядом ценных коллекций. В 1856 году его коллекции были достаточны для того, чтоб можно было открыть его для публики, а 2 июля 1865 года заместником Великим князем М. Н. Романовым были утверждены штаты Кавказского музея, который с этого времени стал самостоятельным учреждением, окончательно отделившись от Географического Общества. В 1867 году Музей и Тифлисская публичная библиотека объединяются в одно управление – директора Музея и Публичной библиотеки. Основание ТПБ было заложено заместником кавказским кн. М. С. Воронцовым в 1846 году. Будучи в то время единственным в Тифлисе книгохранилищем, предоставленным для общественного пользования, библиотека не могла всецело преследовать лишь научные цели и сосредоточивать в себе исключительно литературу о Кавказе и сопредельных с ним странах, но должна была

заключать и произведения современной литературы, какой характер она сохранила и поныне».

В январе 1905 г. подходило к концу строительство Тифлисской городской публичной библиотеки им. А. С. Пушкина, которой А. Н. Казнаков собирался передать беллетристический раздел своей библиотеки, состоявший из 5 тыс. томов, а также дубликаты остальных книг (в обмен на обустройство Тифлисской публичной библиотеки специальными библиотечными железными полками и электрическим освещением). Думская финансовая комиссия предложение А. Н. Казнакова отклонила из-за отсутствия средств. Его мечта оборудовать библиотеку новой, принятой во всех библиотеках мира техникой, оставалась нереализованной.

Следует отметить, что с момента объединения Тифлисской публичной библиотеки и Кавказского музея существовала единая книжная коллекция. А. Н. Казнаков, купив у вдовы Г. И. Радде в 1904 г. коллекцию книг, состоящую из 258 наименований по основным направлениям деятельности музея – зоологии, ботанике, этнографии и геологии, организует в Кавказском музее справочно-информационный отдел «Библиотека музея». Он представлял собой XVII раздел Тифлисской публичной библиотеки и находился в здании музея. Там же вела свою текущую работу и Тифлисская публичная библиотека.

Особое внимание уделял А. Н. Казнаков каталогизации грузинских и армянских книг, более десяти лет остававшихся необработанными. Для этого он пригласил грузинских и армянских библиографов, а также знатоков восточных языков. Активно использовать такую форму комплектования, как и межбиблиотечный обмен, можно было только после организации обменного

фонда. С этой целью А. Н. Казнаков договорился о передаче Тифлисской публичной библиотеке части книг, принадлежащих Канцелярии заместителя.

Когда А. Н. Казнаков принял Библиотеку в 1903 г., она состояла из 16 предметных рубрик, 20 422 наименований книг (38 268 томов), к концу 1909 г. в ее собрании было уже около 27 тыс. наименований книг (47,5 тыс. томов); в 1916 г. – 32 331 наименование книг в 55 602 томах.

В течение десяти лет в разных инстанциях А. Н. Казнаков терпеливо и настойчиво обосновывал возможные варианты изыскания средств на строительство здания или на передачу помещения, соответствующего научным задачам Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки как ведущих научных учреждений края. В 1908 г. принимается решение о выделении из государственного казначейства средств на постройку нового здания для Кавказского музея. В 1910 г. А. Н. Казнаков «для представления лично... об ускорении отпуска из казначейства необходимых кредитов на постройку нового здания» был командирован И. И. Воронцовым-Дашковым в Петербург, а оттуда за границу для ознакомления с музейной и библиотечной деятельностью.

Именно А. Н. Казнакову в значительной степени обязан Кавказский музей тем, что многочисленные хлопоты о сооружении нового здания завершились ассигнованием 18 июля 1910 г. необходимой для строительства суммы. Проект фасада решили выполнить в персидском стиле «...как наиболее гармонирующем с условиями местной природы и особенностями местной архитектуры». Общее для библиотеки и музея здание должно было выходить фасадом на Головинский проспект (ныне проспект Руставели) на участке от угла Николаевского переулка и Баронской улицы (ныне ул. Пурцеладзе).

В 1913 г. наметились контуры нового здания. Хорошая перспектива развития появилась у Библиотеки и в других направлениях. Комитет по делам печати 9 ноября 1913 г. передал Тифлисской публичной библиотеке накопившиеся в его архиве публикации, изданные до 1908 года.

К сожалению, созидательную деятельность А. Н. Казнакова прервала Первая мировая война – 31 августа 1914 г. он вступил на действительную военную службу во второй Горско-Моздокский полк Терского казачьего войска. Уходя на фронт, А. Н. Казнаков передал в дар Кавказскому музею 4 зоологических, 9 этнографических и 7 археологических предметов. Библиотека получила около 400 томов. Это были труды о путешествиях по Азии, по истории и искусству народов ее населяющих, а также книги естественно-научного и исторического содержания, среди них – много справочников. Последние были очень ценны для XVII раздела Библиотеки Кавказского музея – по сути справочно-информационного отдела. С октября 1914 г. по март 1915 г. А. Н. Казнаков находился на фронте в Восточной Галиции. После ранения врачебная комиссия г. Львова признала его непригодным к военно-походной службе.

В 1915 г., долечиваясь в Петербурге, А. Н. Казнаков занимался делами Кавказского музея: покупал и заказывал книги для его библиотеки, встречался с учеными-кавказоведами. Приказом от 10 февраля 1916 г. А.

Н. Казнаков был снова направлен на Кавказ. Находясь в распоряжении августейшего наместника Н. Н. Романова (1856-1929), официально в должность не вступал, хотя фактически руководил Кавказским музеем.

Военные действия на Кавказе вызвали обеспокоенность научной общественности России судьбой памятников культуры в районах театра военных действий. Обеспечение сохранности древностей, находящихся в пределах областей, занимаемых Кавказской армией, регулировалось особым приказом по армии. Наблюдение за исполнением данного приказа Великий князь Н. Н. Романов возложил на А. Н. Казнакова. Ему доверили общее руководство по сохранению памятников культуры, а также определение необходимости их вывоза.

Разрешение на научные исследования штаб Кавказского округа выдавал также по соглашению с А. Н. Казнаковым. Собранные предметы предписывалось сдавать в Кавказский музей, где обеспечивалась их сохранность и возможность научной деятельности.

В 1916 г. А. Н. Казнаков выделил одну тысячу рублей на комплектование библиоте-

и журналы. Летом 1916 г. историк С. В. Тер-Аветисян и А. Н. Казнаков привезли из Эрзерума и Ванского вилайета 446 наименований книг в 608 томах и из библиотеки Меджид-у-Солтане – 333 наименований в 438 томах. Библиотеку Кавказского музея составляли в то время более 32 331 наименований в 55 602 томах, т.е. за период руководства А. Н. Казнакова было приобретено 50 % того, что удалось собрать его предшественникам.

В 1917 г. Музей получил заказанную А. Н. Казнаковым в Санкт-Петербурге новейшую библиотечную технику и новинку в области библиотечного дела – книгу Л. Б. Хавкиной «Библиотеки: организация и техника».

Однако события в стране сложились таким образом, что весной 1917 г. А. Н. Казнаков был вынужден оставить службу в Кавказском музее.

Приказом министра народного просвещения Грузинской демократической республики от 8 июня 1918 г. исполняющим обязанности директора Кавказского музея назначается Н. М. Кипиани. В августе 1919 г. Музей получает наименование Государственного музея Грузии и его директором становится Н. М. Кипиани.

Октябрьская революция 1917 г. закрыла последнюю страницу летописи Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки, по концепции А. Н. Казнакова – «учреждения огромного культурного и общественного значения, центра изучения всего Кавказа в отношении его природных и этнографических богатств; памятника русской культуры в Кавказском крае».

В мае 1923 г. по постановлению правительства Грузии Тифлисская публичная библиотека вернула статус самостоятельного учреждения и стала называться Государственной публичной библиотекой Грузии. Кавказоведческая коллекция Тифлисской публичной библиотеки составила основу Библиотеки Музея Грузии.

Р. С. Скончался Александр Николаевич Казнаков в Париже 6/19 февраля 1933 года. О трагически оборвавшейся жизни этого замечательного человека, посвятившего лучшие годы своей жизни формированию Кавказского музея (ныне Государственный музей Грузии) мы узнали из некролога, опубликованного в газете русского зарубежья: «Возрождение» (Париж. 1933. 22 февр. № 2822 (16 марта №2844):

«Гвардии полковник. Сын генерал-губернатора Восточной Сибири. Паж и кавалергард. С молодых лет посвятил себя науке и путешествиям. Участвовал в экспедициях полковника Козлова в Центральную Азию.

Занял место директора Кавказского естественно-исторического музея в Тифлисе, где одновременно заведывал отделом этнографии. Был директором Тифлисской публичной библиотеки, редактором «Известий Кавказского музея».

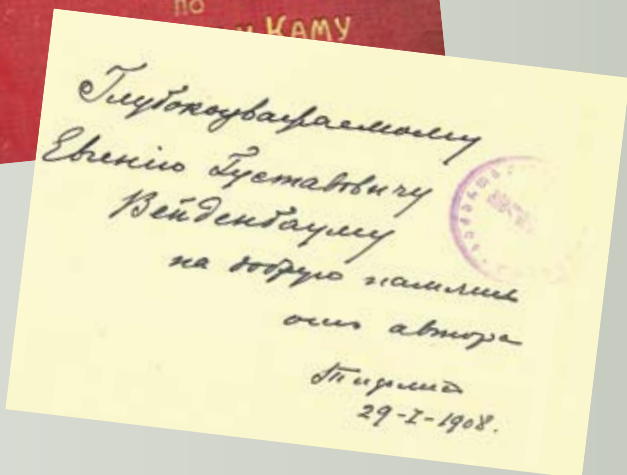
Участник Первой Мировой войны, в Галиции командовал сотней Сунженского полка. Был тяжело ранен.

В гражданскую войну участвовал в борьбе против большевиков. Эмигрировал в Париж, где существовал вырезыванием из камня художественных безделушек.

Умер скоропостижно в возрасте 62 лет (был найден окоченевшим на лестнице метро и доставлен в госпиталь)».

**Н. В. МЕЛКАДЗЕ,
Г. В. ЧХАИДЗЕ, А. П. ЛОРИЯ**

ки Кавказского музея и приобрел за 4 тыс. 300 рублей библиотеку скончавшегося в 1916 г. зоолога К. А. Сатунина. Кавказский комитет по делам печати посылал в библиотеку все издаваемые на Кавказе журналы и газеты. Здесь тогда издавалось 20 журналов на русском языке, 7 – на грузинском, 16 – на армянском, 4 – на азербайджанском, 1 – на греческом и 1 – на еврейском языках. Кроме того, выписывались или получали в обмен издаваемые в других краях России научные книги

МЕТАФИЗИКА ТИШИНЫ

Прекрасное дитя реки с шипящим и звонким названием Шельда, бельгийский город Антверпен, переплетенный узкими улочками с узкими, но высокими домами, некогда был пограничным округом-маркграфством Священной Римской империи. В этом городе, как и в постоянной пограничной полосе контрастных звуков своих сочинений, живет и работает **Гия Канчели**. Антверпен ему немного напоминает Тбилиси, остающийся его истинным домом.

Сегодня Канчели - один из самых значительных современных композиторов. Наград, званий ему не занимать. В этом году весь мир отмечает 70-летие композитора. Три месяца назад, начавшись со Штутгарта и огибая весь земной шар, волна празднований дошла и до его родного города.

- Я не могу сейчас пересказать вам очередность, потому что это приблизительно 40 с лишним исполнений в Европе и США. Где-то идут мои авторские концерты, где-то проходят фестивали под моей эгидой – все по-разному.

- Как Вам ближе?

- А мне все равно. Абсолютно.

- Вы как-то сказали, что дописываете музыку за тех людей, которые жили в XIV, XV, XVI веках, стара-

етесь заполнить это пространство и больше думаете о прошедших временах...

- Я, кажется, сказал, что если остались какие-то незаполненные ниши по разным причинам, я стараюсь в меру своих возможностей их заполнить. И когда спрашивают о будущем, я всегда предпочитаю говорить о прошлом. Причем о том прошлом, которого не могу помнить, потому что родился позже намного. Самое такое время, в котором я бы предпочел жить – конец XIX - начало XX столетия. Это сравнительно спокойное время. До начала Первой мировой войны, и время, когда еще не ушли экипажи, а уже появились первые машины, и они сосуществовали вместе. Наверное, я предпочел бы жить в те времена. А может, и жил, я не знаю...

ACCORDO

Горы... По ним сбегает вниз (или карабкается вверх) «Тифлис горбатый», который снится многим тбилисцам, живущим вне него. Горы закрывают горизонт, о них спотыкается взгляд, вынужденный возвращаться обратно и невольно подниматься к небу. Но зато горы, в отличие от плоскости равнин, дают объемность восприятия. Не случайно на Востоке – притчи, а на Западе

– теории. Некоторая «притчевость» улавливается и в музыке Канчели. Это, скорее, индивидуалистическая черта, а не только национальная или географическая. Эти порою прямые и четкие, а порою плавные, волнистые изгибы звуков а ля Art Nouveau (его любимый стиль в архитектуре), и в то же время с орнаментом прерывистых всплесков, оживают в его музыке: как единичный кинжал башни в том или ином аскетичном архитектурном ансамбле, прорезающий воздух, прорывающийся ввысь – а капли отдельных звуков стекают вниз; эти возвышения-форте без излишеств, словно круговые лестницы Арт Нуво, поднимающиеся к свету.

– Оден говорил, что Бах находился в чрезвычайно выгодном положении: когда он хотел прославить Господа, он мог просто написать кантату или «страсти», а если мы сегодня хотим сделать то же самое, нам приходится прибегать к косвенной речи. Не согласны?

– Ну я не знаю, может быть, все-таки это не очень касается людей, которые стараются создавать музыку. Оден был гениальным поэтом. Все-таки слово – нечто другое, а музыка – абсолютная абстракция, которую два одинаково мыслящих человека воспринимают совершенно по-разному. А если того же Одена прочесть двум людям, – поскольку это все-таки слова, – ассоциации бывают приблизительно одинаковые. Там не может быть большого контраста. Так что сравнение даже с музыкой Баха... Музыка вообще, мне кажется, всегда в каком-то обособленном положении из-за абстрактности языка. Оден гениально сказал другую вещь: «Как хорошо, что у некоторых людей хватает мужества стать поэтами, а критиками» – что-то в этом роде.

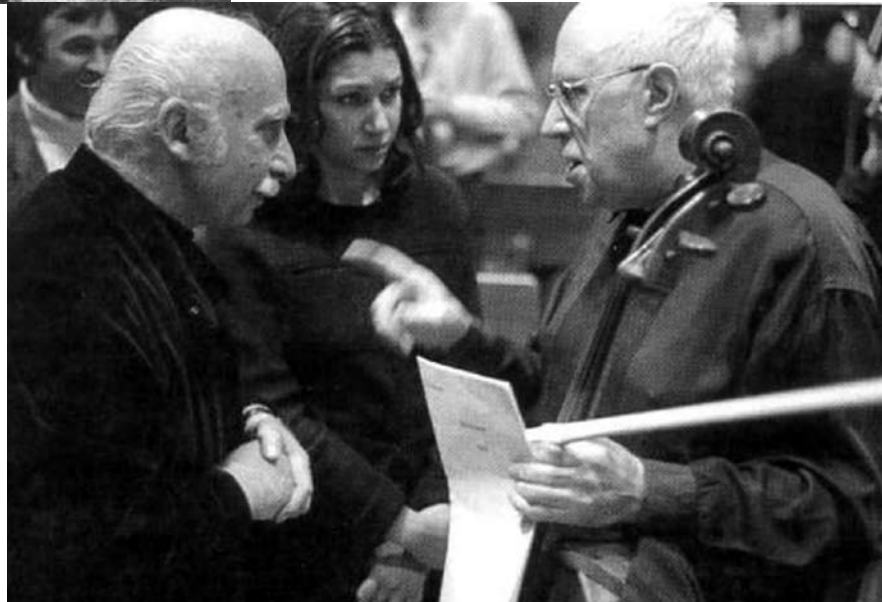
– Вам не страшно за будущее музыки?

– Нет, абсолютно нет, потому что все время появлялись какие-то крупнейшие индивидуальности, которые двигали искусство вперед. Если говорить о музыке

того же Баха, то можно было бы поставить какую-то черту и больше этим не заниматься, потому что превзойти это невозможно. Но тем не менее появились Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шуберт и т.д. И это процесс нескончаемый.

– Когда Стравинского спросили: «Для кого вы пишете?», он ответил: «Для себя и своего воображаемого альтер эго». Аналогичный вопрос к Вам.

– Я думаю, что каждый здравомыслящий творец пишет для себя. Что значит писать для кого-то? В советские времена в огромных количествах появлялись кантаты, песни о родине, произведения, восхваляющие вождей, партию – это все оставляло такое впечатление, что вот люди вставали утром, занимались утрен-

ним туалетом, завтракали и потом садились писать о родине. Мне кажется, что Стравинский был абсолютно прав: надо писать музыку для себя. А то, что происходит потом – конечно, имеет значение для любого автора, думаю, и для Стравинского тоже. Я, например, никогда не обращаю внимания на то, как бывает принято сочинение, а вот как его слушают – для меня является определенной оценкой. Тишина бывает очень разная при исполнении музыки – существует тишина, когда ощущаешь какое-то участие сидящих в зале, и дирижер бывает обычно проводником между оркестром и публикой. И вот такая звенящая тишина начинает жить, и это очень приятно. А бывает тишина безразличная – это зависит, во-первых, от самой музыки, во-вторых, от качества исполнения.

– Ваш «Стикс» просто потрясает...

– Вам, наверное, покажется странным, но когда я написал «Стикс», у меня еще не было названия. Хотя я слышал о подземной реке из греческой мифологии и т.д., мне это на ум не приходило. Я порою обращаюсь к Гидону Кремеру, который является человеком чрезвычай-

чайно умным, и иногда его прошу найти название для моего сочинения. А он уже хорошо знает мою музыку, потому что новые сочинения мои играет - я для него написал несколько. Он у меня только спросил: «Хор есть?» - «Да, есть». «Что за слова?» Я говорю: «Слова я выбирал грузинские, не имеющие смысловой нагрузки, мне только нужно было какое-то фоническое звучание, и я выбирал такие слова, которые представитель любой национальности мог бы свободно произнести, без гортанных звуков». В общем, я ему описал в двух словах, и тогда он сказал: «“Стикс” – замечательное название». Я назвал «Стиксом», и сейчас трудно кого-то убедить, что до определенного времени его не было, настолько это название подошло.

ОЩУЩЕНИЕ МУЗЫКИ

...«Стикс» начинается с тишины. Харон, говорящий голосом башметовского альтя, равнодушен, он страдает, альт не ведет безразлично по реке, и Via Dolorosa у каждого своя. Как и пустыня. Канчели умеет довести до верхней ноты, остаться на верхнем регистре, удержаться и опять прервать, не давая длиться крику-форте-плачу, и сразу возвращается к тишине – чтобы крик не перерос в мелодраму. Aqua alta Стикса, вздрагивающая музыка; хор поет названия грузинских церквей и исторических мест, хвалу Господу и имена близких. Переход на английский – язык, который своей определенностью позволяет сказать о беспощадности времени (заметка на полях: очень интересное совпадение звучаний «душ» на двух языках: “suli” и “soul”). И где-то благозвучно звучат переливы фортепиано – «*Душа моя - эллизиум теней*» (М.Цветаева). Понять, где кончается Башмет и начинается альт – невозможно. Человек-кентавр... Придешь, послушаешь Башмета, и остальная реальность кажется приложением, фоном, освещенным, разбуженным высокой температурой исполнения. Как-то, находясь на фестивале «Осенний Тбилиси», на вопрос, в какую сторону развивается музыка, кто после Шнитке, Башмет ответил: Канчели.

“Abii ne viderem” («Ушел, чтобы не видеть») написано по заказу “Nieuw Sinfonietta Amsterdam”. Руководитель оркестра, почетный профессор Тбилисской консерватории, дирижер Лев Маркиз говорит:

- Я очень горд тем обстоятельством, что это произведение было написано по инициативе моего Амстердамского оркестра. «Ушел, чтобы не видеть» - это его личная позиция по отношению к трагическим событиям в Грузии в начале 90-х годов. Свое несогласие с тем, что происходило тогда, он выразил таким образом.

Отрывистые звуки, печаль и скорбь заверчиваются ветром, вьюгой споров, которые передает музыка. Капли звуков на фортепиано – словно отдельных голосов, тихих, потом громких, будто разные мнения, настаивающие на своем, даже разный пол и темперамент, споры человека с человеком – во имя чего, думается... И печаль, отстранение, боль, а «боль не имеет адреса», - заметил композитор. Все заканчивается отрывочными тихими звуками - затихает пульс, затихают удары сердца, и все глуше и глуше... «Да обретут мои уста первоначальную немоту» (О.Мандельштам).

“Magnum Ignotum” («Великое неизвестное»), в ко-

торое включена и магнитофонная пленка. Именно так композитор общается с грузинским фольклором, творчеством «гениальных анонимов», который просто включить в собственное произведение он не считает возможным. Произведение открывается записью: священник из Анчисхати читает фрагмент из первой главы Евангелия от Матфея о Рождении Христа. Постепенно, не прерывая, а как бы продолжая голос, вступает музыка. Следующая вставка – запись 30-х годов XX века, трое старцев исполняют гурийскую песню. Канчели словно общается с духом грузинского народа. И потом - хорал Создателю в исполнении ансамбля «Рустави». Заканчивается сочинение колокольным перезвоном (до какой ноты может дойти каждый из нас?). Национальные моменты перекрываются общечеловеческой темой.

Он сдирает со звуков цедру со смягчающими маслами, бросает их «без запаха», в первозданном виде. Так, в «Exil» резкие звуки, прерывающие течение чистого беспримесного сопрано, поющего псалмы, налетают, как реальность, как жизнь, обычно застающая нас врасплох...

Однажды автор статьи присутствовала на записи авторского диска композитора. «Здесь потише», «тут чуть более трепетно», - наставлял он. На полсекунды пауза меньше – и уже все сочинение воспринимается иначе. Метафизически безлюдная музыка Канчели – исповедь человека, находящегося наедине с Вселенной. Он хочет понять, что есть жизнь и смерть. И музыка – способ примирения и с тем, и с другим. Конкретное время у него – только предлог. Вечное актуальным может быть, актуальное вечным – нет.

«And farewell goes out sighing...» («Прощание уходит вздыхая» - строка из сонета У.Шекспира) - прощание со старым тысячелетием и приветствие нового. В конце и в начале – вздохи, смычок беззвучно плывет по скрипке. А потом шепот (который был «прежде губ») перерастает в грохот и снова переходит в тишину.

«Все, что мы делаем, есть музыка», - утверждал Джон Кейдж. Там, где для нас сплошной шум, композитор слышит музыку.

НА ВЫСОКОЙ НОТЕ

- *Ахматова говорила, что поэзия – перевод с серафического. А музыка?*

- Единственный язык, который не нуждается в переводе – музыка. Исходя из этого, музыка возникает, с одной стороны, на абсолютно пустом месте, а с другой, за музыкой стоит многовековая традиция. Ведь мы ничего нового не создаем. Мы просто берем звуки определенной высоты, и с помощью определенных комбинаций иногда следуем за нашей интуицией, иногда - за каким-то душевным состоянием. Та же Ахматова говорила о «соре...»

- *Вы бы позволили исполнять свои сочинения людям, которым не доверяете нравственно, но высоким профессионалам?*

- Я не могу ответить на этот вопрос по той простой причине, что передо мной он еще не стоял. Такого случая в моей жизни не было еще, не знаю. Когда кто-то хочет сыграть мою музыку, обращается не ко мне,

а в мое издательство. И оно им высылает материал. И моя музыка играется дирижерами, которых я не знаю, с которыми не знаком. Я даже не знаю, как это сыграно. Попадают, видимо, хорошие дирижеры, которые вникают в суть этой музыки, а бывает наоборот, и, к сожалению, сочинение исполняется. У меня даже есть пример: в Финляндии один дирижер записал три моих симфонии, и вышел диск, он продается, но это криминальные записи, потому что каждая симфония идет на несколько минут меньше, чем должна. Если бы я присутствовал, я бы этого не допустил. Но ничего не могу поделать с этим. Если кого-то интересует - так надо играть, как это записано Джансугом Кахидзе.

- По утверждению поэта, невозможно достичь одинаковых высот и в творчестве, и в жизни. Где Вы предпочитаете халтурить? Ведь всегда приходится выбирать...

- Я не знаю, что такое халтурить в жизни, но в творчестве я стараюсь оставаться честным, порядочным и чистоплотным по отношению к тому, что делаю. Другой вопрос, получается или нет. У меня так сложилась жизнь, что я меньше был занят бытовыми вопросами, которые для меня как бы и не существовали. Супруга меня оградил от этого. И я очень благодарен судьбе за это. Единственное: я не отказывался от написания музыки к плохим фильмам. Я знал, что фильмы - однодневки, но писал, чтобы зарабатывать деньги, которые мне давали возможность чувствовать какую-то материальную независимость, чтобы я мог все свое свободное время уделять работе основной.

- Вы говорили, что звуки изматывают душу и жизнь, и у Вас не бывает пауз, но ведь от этого нельзя отказаться, невозможно...

- Просто есть люди, которые могут, закончив одну большую работу, куда-нибудь уехать на две-три недели, отдохнуть, забыть обо всем. Читать что-то и так далее... Вот у меня, к сожалению, не получается, потому что где б я ни был, все равно... «сочиняю» громко будет сказано, но я все время думаю о том, что мне предстоит

написать. А если мне, допустим, в тот момент ничего не предстоит, то я уже выстраиваю какую-то свою форму, свою драматургию какого-то сочинения, которого еще не существует. Я хочу сказать, что не перестаю об этом размышлять. И это, с одной стороны, очень утомительно, но с другой стороны, я ничего с этим не могу поделать, потому что таких пауз, долгих, когда я могу отключиться, просто не бывает.

- Но это иной градус реальности, в отличие от пустоты. А бывает пустота?

- Конечно, бывает, когда заканчивается одна работа и еще не начата другая. И вот здесь наступает как раз та пустота, которая, может быть, самая мучительная, потому что во время этой так называемой пустоты ты не можешь ничего делать, у тебя нет материалов, ты не знаешь, что надо делать, зачем надо делать, для кого. А в то же самое время ты не можешь успокоиться. Вот эта пустота, пока что-то не придет на ум, самая, по-моему, неприятная.

- Вы говорили, что влюблены в тишину...

- Я не влюблен, может быть... просто... тишина для меня имеет очень большое значение. У меня какое-то особенное отношение к тишине, и я всегда стараюсь или в нее уходить, или из нее приходиться.

- Вы говорили, что бывает формальная тишина и Божественная. Если немного пофантазировать... Как Вы думаете, в аду и в раю какая тишина, и есть ли она?

- Не знаю. Я всегда завидую тем людям, которые это знают. Кто-то ведь говорит, что он считает: в раю такая тишина, а в аду такая. Вот я им завидую, а сам не знаю.

- А вообще тишина, как представляется, больше богата звуками, чем шум...

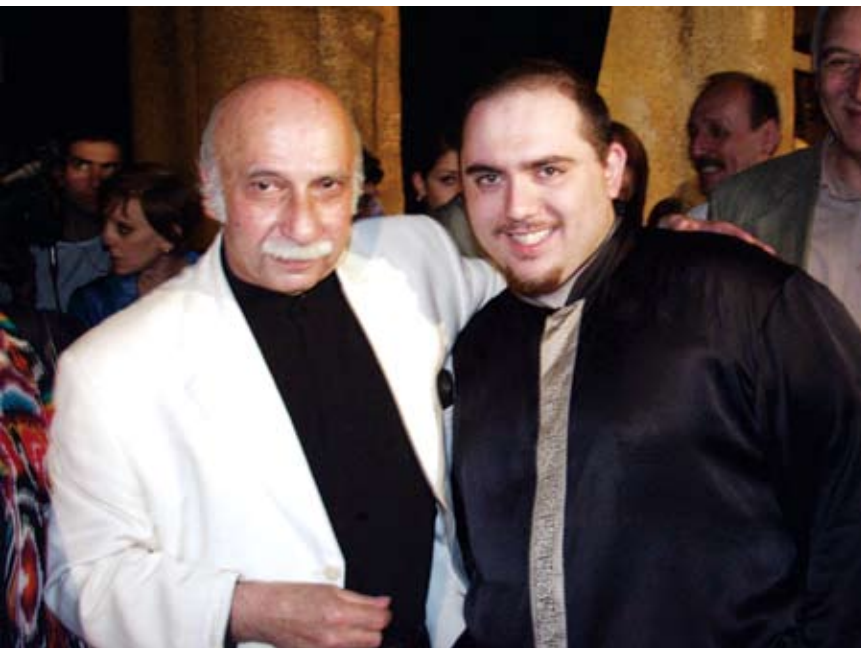
- Вы знаете, абсолютной тишины ведь не бывает. У Кейджа есть сочинение, которое называется так, сколько времени оно и длится. И ничего не происходит: выходит пианист, садится за рояль, сидит и потом уходит. Но и здесь абсолютной тишины не бывает, поэтому он и пошел на такой шаг. Всегда происходят какие-то дуновения, какие-то шорохи... Или ветер... Абсолютная тишина может быть в Мавзолее Ленина.

PRESENT ETERNITY

Музыка Канчели очень индивидуальна. Он и сам все время обособлен. Он умеет слушать и слышать тишину, и не разводит пустые разговоры. Но в музыке он не скрывает своих чувств, причем это далеко не сентиментально. Гия Александрович категорически против слова «понимать» по отношению к музыке. Только ощущать! Только чувствовать!

Он очень тбилисский человек и одновременно иностранец самому себе. Обратной стороной скромности и закрытости по горизонтали является порою абсолютная обнаженность души по вертикали и естественность, серьезность, подлинность переживания. У него «не бывает пауз» в жизни, но их искусство в музыке доведено почти до абсолюта: совершенное бесстрашие пауз.

Он и говорит медленно, вдумываясь, а не напоказ – красивые «натренированные» слова, эффектные фра-

- Как звучит Тбилиси, Ваш родной город, здесь вблизи и на расстоянии?

- Я там просто физически нахожусь, я здесь живу. Если бы я уехал в 20 лет, было бы совсем другое. Я уехал в 56 лет, и ничего не могло измениться: я продолжаю жить здесь. Так же, как я уезжал, живя здесь, в Дома творчества и месяцами там работал, так же я сейчас сперва уехал в Берлин волею судьбы, потом там задержался, а потом переехал в Антверпен. Физически я нахожусь там, но всеми мыслями я в Тбилиси.

- География, изменение вида из окна, пейзажа может влиять на интонацию?

- В моем случае нет. Я-то привыкаю к тому, что перед окном, но для меня это не главное. Для меня главное все-таки – условия: тишина и покой во время работы.

зы, которые хорошо бы смотрелись в интервью в газетах, журналах – неважно где, не в его натуре. Он рассчитывает не на публику, не на предполагаемый кругозор мыслимых и немислимых собеседников, а на человека. На предложенную тему и мысль. Он умеет услышать вопрос – просто это его специальность: хорошо слышать. Он даже не говорит слово «век» - «столетие». Звучит более весомо. Так бы по-русски, наверное, сказал Бах. «Век» – слишком быстро звучит для такого медленного человека. Сам тембр его голоса регистром ниже, как тембр его любимых инструментов в оркестре: низких, «медленно звучащих флейт». Он и музыку такую любит. «Что быстро делается, то быстро и погибает» (латинская поговорка).

- А Вам уютно в этом мире жить?

- Вообще, в этом мире? А что я могу поделать? Человек должен жить тогда, когда ему судьба предназначила эту жизнь. Если я родился в определенное время и живу в это время, здесь ведь ничего не поделаешь.

...К.Сэндберг сказал, что поэзия – «исповедь водного животного, которое живет на суше, а хотело бы в воздухе». Состояние комфорта вообще чуждо любому истинному художнику.

Это вечный изгнанник из самого себя, из своего уютного эго. И не поиски приюта уведут все дальше и дальше. Лев Шестов был против мировоззрения, считая его остановкой в пути. Нет этого и в музыке Канчели с ее ландшафтом горных хребтов форте, вулканическими всплесками ударных, впадинами, провалами, трещинами и равнинами пауз, это прорывы в небо, попытка ориентации в мире после жизни, даже не попытка обжиться – просто стенание, Lament, просто этакий Орфей (прародитель не только поэтов, но и композиторов?), постоянно оглядывающийся в поисках утраченного и утрат, как ни странно это прозвучит, ибо в поисках ушедших мы сами обживаем иные миры.

...Ну конечно, он жил тогда. Совершенно созвучный потерянному сегодня умению сосредоточиться на детали, вписанный в ландшафт любого города, обособленный – и там отдельный, отличающийся – стоящий на тротуаре и прислушивающийся к хриплым колесам экипажей, присматривающийся к смешным, лакированно претенциозным авто и вдыхающий запах сена, которым пахнет унылая арба (если все же в Тифлисе), а возле нее стоит внучатый племянник Холстомера и прячет свою морду в сером пыльном мешке. И рядом с этим человеком кажется, что где-то поблизости еще существует мерное, медленное передвижение экипажей, тишина мощных европейских улиц, а за углом кто-то вполголоса насвистывает «Шалахо», пробирающееся в сегодняшнюю музыку Канчели, и тут же перекрывающееся стремительностью нового века. Метафизическое время музыки – «настоящее настоящее», вечное настоящее.

Инна КУЛИШОВА

«Мною всю жизнь движет зависть. Я завидовал красивым – и стал обаятельным, я завидовал умным – и стал неожиданным...» Неожиданными были его выходки, его фантазии, его подарки, его творения. Неожиданной была сама жизнь гения, имя которому ПАРАДЖАНОВ.

МАЛО ЛЮБИТЬ. НАДО БЛАГОГОВЕТЬ!

«ПРЕЛЕСТЕН, НО НЕВЫНОСИМ»

Он родился и вырос в старом городе. И как настоящий тбилисец любил гостей. Двери его дома на Котэ Месхи (Мтацминда) не закрывались ни днем, ни ночью. Больше того, уходя из дому он никогда не забывал положить на порог буханку хлеба. Не дай Бог, его гость, кто бы это ни был, останется без внимания. Он шел навстречу всем, кому был интересен. А щедрость его не знала границ. На редкость отзывчивый, он мог с легкостью расстаться даже с очень дорогой вещью.

Правда, на следующий день он мог также легко и «оригинально» свой дар отобрать.

Его страстью было оформлять столы. И каждый стол, декорированный букетиками фиалок или россыпью гранатовых зерен, превращался в произведение искусства. Гости всегда ставило в тупик: «Неужели эту красоту можно нарушить?»

Старожилы Тбилиси помнят нашумевший приезд актеров Таганки. Тогда в небольшом типично тбилисском «итальянском» дворе на Мтацминда был устроен прием, до мелочей срежиссированный Мастером. Словно волшебник, он сотворил великолепии, и никто из театралов не догадался, что это всего лишь декорация: усыпанная цветами улочка, увешанные коврами балконы, коллажи на ветвях дерева, самовары с водкой и коньяком, вино и песни...

БЫЛЬ ИЛИ НЕБЫЛЬ?

«Режиссером можно стать только в случае, если у тебя было детство.»

А детство Параджанова – это бесчисленный ряд загадочных историй, граничащих с вымыслом.

И режиссерская школа, которую он прошел, родом из детства.

Его отец был одним из богатых антикваров в Тбилиси. Семейные легенды рассказывают о сундуках с бесценными шубами, которые мать, поднявшись на крышу, бережно проветривала на своих плечах. И как уверял Параджанов, великий фантазер, перед частыми обысками ему и его сестре не раз приходилось прятать фамильные бриллианты.

Выдумка или реальность? Факт же остается фактом: из этого дома «с причудами» вышел тот самый Параджанов, которого узнал весь мир.

ЖИЗНЬ КАК ЧУДО

Сinema... Кинематограф... В первые дни своего рождения он воспринимался как нечто нереальное, считался иллюзией, фантазмагорией. Теперь это – часть нашей жизни, зеркало сегодняшних реалий.

Параджанов часто повторял: «Уметь создать мистерию, вынимать из сундуков перья и превращаться в петуха или жар-птицу – должно быть в крови».

Фильм, снятый на киностудии им. Довженко по мотивам М. Коцюбинского «Тени забытых предков», высветил имя Параджанова на горизонте киноискусства.

Им восхищались Феллини и Годар, Бергман и Куртросова...

Звукорежиссер всех фильмов Параджанова Гарри Кунцев вспоминал: «На съемках он был деспот. Да, деспот, но с ним было безумно интересно работать!»

Параджанова, его манеру съемок узнаешь сразу. Для них характерна фантастическая игра красок, живая пластика каждого кадра, его композиционная завершенность. Для ценителей творчества параджановские кинокартины – это ожившая живопись.

Все вещи, окружавшие Маэстро, словно по мановению волшебной палочки превращались в феерическое действо. Он любил вещи, которыми управлял как ему вздумается: сортировал фрукты в вазе в поисках новых форм, из проволоки создавал фигурки, из тряпичных фантазировал люстры и светильники. К цветам мог быть безжалостным – они лишь богатый материал для его идей: взять ножницы, накромсать лепестки – вот и рождение нового коллажа.

«Никакого чуда не происходит. Я это ищу, это лежит в природе. Это она мне помогает взять, зафиксировать, создать пластику и благоговей перед этим».

Режиссура наподобие сочинительства спонтанна. Возник образ – лови его.

Георгий Параджанов рассказывал о своем дяде:

По мотивам одноименной сказки
М.Ю. Паронтова
"Грузия-Фильм"
Автор сценария Георгий Бадридзе
Режиссеры Сергей Параджанов,
Давид Абашидзе
Оператор Альберт Лаврин
Художники Шота Гоголашвили,
Имелай Зандуаки,
Георгий Мамукаели и др.
Композитор Дживаншир Нутув
С участием Юрия Млоани,
Вероники Метонидзе,
Левана Натрошвили,
Софико Чхавуцели

«Что бы он ни делал – все равно это была режиссура. За всем стоял театр, в котором режиссером и актером был сам Параджанов».

Даже из похорон мужа своей сестры он сотворил миниспектакль: созвал гостей, самого покойного загримировал, а голову вдовы украсил персидской подушечкой с гранатом. Это тоже был его театр.

Ему не хватало масштаба съемочной площадки. Декорации перебрасывались в повседневную жизнь. Одну из встреч с Андреем Тарковским Параджанов тщательно «поставил». Это была самая настоящая мистификация. Квартира на шестом этаже, маленький пони, одолженный в цирке. На скатерть, переполняя бокал, бежит красное вино, льется на пол. На пороге – пораженный Тарковский. И фраза Маэстро: «Когда к тебе в гости приходит сам Тарковский, еще не то может произойти!»

Ни минуты в стороне от лицедейства...

Он был экспертом по керамике, антиквариату, оружию, средневековому искусству. Увлекался археологией, этнографией и фольклором Древнего Востока.

Все эти знания и детская жизнерадостность – составляющие его феномена.

Статичность не была его стихией. Даже на зоне, куда его периодически прятали «с глаз долой», он де-

ржался принципа: раскрась мир вокруг себя, и он засияет и заулыбается.

Отняли карандаши – стал выдавливать на крышечках от молочных бутылок портреты: Петра Великого, Богдана Хмельницкого, Пушкина, Рыльева, Гоголя... Он называл их «талерами». Спустя много лет один из них попал в руки Федерико Феллини. Так родилась серебряная медаль, которой на кинофестивале в Римини награждают лучшие фильмы.

Он рисовал на полях газет. А раздобыв где-то репродукцию Джоконды, придумал коллаж, на нем его Джоконда смахивает слезу. «Если я умру, Джоконда будет меня оплакивать».

Сделал из мешка куклу и получилась Лиля Брик.

Рукописи не горят... Творчество вечно.

ВОПЛОЩЕННАЯ СКАЗКА

«Я иногда рассказываю свой сценарий и спрашиваю: выдумал я или нет. Отвечают, что выдумал. А это правда, которую я задумал».

Он сотворил свой мир и поселил в нем сказку.

«Мои старые чемоданы превратились в слонов, а слоны превратились в чемоданы».

За этим стояла душа большого ребенка с немыслимыми идеями и потрясающим воображением.

Притча «Саят-Нова», снятая на «Армен-фильме» (в прокат она вышла под названием «Цвет граната»), ассоциировалась у режиссера с персидской шкатулкой, полной чудес и загадок. Условия съемок были невыносимы – постоянная «чистка» сценария, минимум финансирования. Но несмотря ни на что, сказка была создана. Следующая картина после длительного и мучительного отлучения от съемок вышла на киностудии «Грузия-фильм». Это была «Легенда о Сурамской крепости» – печальная история о замурованном в крепостной стене юноше.

Одной из последних работ Параджанова стал «Ашик-Кериб» («Грузия-фильм») по мотивам турецкой сказки, изложенной Лермонтовым.

«В детстве, когда я болел, мама читала мне эту сказку. И помню: я рыдал. Михаил Юрьевич потряс меня».

В 1986 году умер Андрей Тарковский, и Параджанов посвятил своего «Ашик-Кериба» памяти друга. За этот фильм Сергей Параджанов был удостоен «Серебряного павлина» на Мюнхенском кинофестивале.

«Мне всю жизнь везло в том смысле, что никогда не получалось сохранять фильмы в том виде, в котором я их делал».

Он хотел идти вперед – перед ним выросла тюремная стена, он творил шедевры – и на его глазах их «резали». Он не ожесточился и остался Человеком.

Свои работы – коллажи, куклы, эскизы к кинофильмам, Параджанов подарил музею в Ереване, носящему ныне его имя, – подарил, а не продал.

Сам же не прожил в этом доме ни дня, но каждая вещь здесь несет в себе частицу его энергии.

«Я режиссер: учился у великих мастеров Савченко и Довженко, они оба рисовали, рисовал и Эйзенштейн, и поневоле я начал рисовать, делать коллажи, стыковать фактуры, искать какую-то пластику».

В музее перед вами удивительные, поражающие тонким вкусом композиции.

Лоскуты и кружева, старые ключики и осколки от ваз, кувшинов, блюд, открытки прошлых столетий и всевозможные бусы, серьги, металлические пластинки – все было пущено в ход художником и в результате – калейдоскоп причудливых форм.

Его жизнь – сама ни на что не похожий коллаж из мелких и больших, но гениальных чудачеств.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

«Что моя биография? «Дард» (горе, печаль) – вот это вечная ее форма». Но в творчестве Параджанова нет привкуса горечи. Легкая грусть – и только.

Безумная любовь к жизни все перевешивала.

«В этой жизни у меня было всё».

Всё – значило смех и слезы, взлеты и падения.

У него была мечта экранизировать «Слово о полку Игореве», снять «Чудо в Оденсе», свою фантазию об Андерсене, завершить «Исповедь», которая должна была стать его Откровением. Параджанов о Параджанове – можно себе представить какая бы это была феерия! Но было поздно. Задуманное не состоялось.

Уже тяжело больного его отправили на лечение во Францию. А оттуда перевезли в Ереван, где он умер в 1990 году.

«Все знают, что у меня три родины. Я родился в Грузии, работал на Украине и я собираюсь умирать в Армении».

Тбилиси – Киев – Ереван. Три источника, из которых он испил. А может, три путеводные звезды, указавшие и осветившие путь исканий?!

Осенью прошлого 2004 года в Тбилиси был открыт памятник Параджанову. На его открытии вдова Сергея Параджанова Светлана Щербатюк сказала: «Первый памятник Сергею находится на киностудии в Киеве. Второй памятник установили на его могиле в Ереване в пантеоне. Но мы все ждали того момента, когда памятник появится в Тбилиси. Потому что Тбилиси – родной город Сергея, город, в котором прошло его детство, юность... Хочется, чтобы этот памятник стал одним из любимых памятников Тбилиси, чтобы сюда приходили мамы с колясочками, бабушки с внуками, а влюбленные назначали здесь свидания...»

Незадолго до смерти Параджанов говорил: «Сейчас пришло время искать, находить и реализовывать прекрасное, прекрасное вокруг нас – наши горы, небо. Надо уметь выражать страсти, видеть, любить и благоговеть. Мало любить! Надо благоговеть!»

Алла Демидова сказала как-то о нем: «В душе он был художником-мистификатором. Он любил делать из своей жизни легенды».

О нем еще будут писать, его творчество – обсуждать, его гением – восхищаться. Параджанов останется легендой на века.

Алена ДЕНЯГА

НЕОТРАЗИМОЕ ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

Гипертрофированные, порой уродливые формы, которые придавались в советские времена многим вполне естественным понятиям и чувствам (когда их пытались “заорганизовать”), приводили к прямо противоположным результатам, нередко полностью их обесценивая. Вспомним хотя бы пресловутую дружбу народов, - да откуда ей было взяться, когда и отдельным-то разделенным границами людям дружить как мешали, так и мешают по сей день. В этом смысле, счастливым исключением был один из популярных прежде “толстых” журналов с аналогичным названием, сыгравший, без преувеличения, немалую роль в судьбе национальных литератур бывшего Союза и многих талантливых авторов. С ним сотрудничали и в нем публиковались Б.Окуджава, Е.Евтушенко, Ч.Айтматов, О.Чиладзе, М.Квливидзе, Е.Чаренц, Р. Ибрагимбеков и многие другие известные прозаики, поэты и драматурги из всех бывших республик.

Журналу “Дружба народов”, одному из немногих, удалось выжить с наступлением “новых времен”. О сегодняшнем дне этого издания рассказывает его нынешний главный редактор Александр Эбаноидзе.

- Судя по всему, ваш журнал не только не стал неким рудиментом того, что осталось в прошлом, но и продолжает развиваться уже в новых условиях...

- Вы знаете, рудиментом, наверно, нет, но, тем не менее, какие-то функции, присущие журналу в прежние годы, мы стараемся сохранить. Т.е., информирование взаимное в литературном процессе на постсоветском пространстве. Ведь на этом пространстве работает, наверно, десятка полтора очень талантливых писателей, - Яан Кросс в Эстонии, Агаси Айвазян в Армении и т.д. И у нас в Грузии - целая плеяда, начиная с классиков, Чабуа Амиреджиби и Отара Чиладзе, (мы сейчас на прозаиках сосредоточились), и до следующего поколения - Резо Чеишвили, Резо Мишвеладзе, и новое поколение - Шота Иаташвили и т.д. Процесс воспроизводства природой талантливых людей - он не прерывается...

- Поскольку мы коснулись грузинской литературы, - прошлой осенью вы выпустили номер, целиком посвященный переводам грузинской прозы и поэзии...

- Да. В прошлом году, впервые за 70 лет существования нашего журнала, вышел номер, целиком посвященный грузинской литературе. После этого мы уже сделали и латышский, и армянский номера, и это направление себя оправдывает в связи с нехваткой информации. В том номере напечатано начало романа Отара Чиладзе

А. Эбаноидзе

“Годори” (он завершается в 4-м номере этого года), который, по мнению критики, стал литературным событием европейского масштаба, замечательная новеллика уже названных мною Мишвеладзе, Чеишвили, и Арчил Кикодзе, и покойный Джамал Карчхадзе, и Годердзи Чохели - замечательный кинорежиссер и прозаик. И поэтический раздел, и чрезвычайно острая политология, поскольку это было уже после ноябрьских событий в Тбилиси...

Отлично представлена современная грузинская проза и поэзия, материал о тбилисском периоде Сергея Параджанова, старое эссе Григола Робакидзе “Душа Грузии”. Словом, безусловный успех грузинского номера инициировал к работе и представителей других стран СНГ и Балтии. Это, на мой взгляд, несомненное свидетельство и высокого уровня грузинской литературы, и заинтересованности России в культурной информации такого рода.

И вот что касается сохранения этой функции, - это попытка в новых условиях найти новую модель журнала. Сейчас так мало информации поступает на это, несомненно, все еще общее культурное пространство, - ведь только через переводы на русский тот же Яан Кросс может прочитать того же Чабуа Амиреджиби, понять, что это за проза и, может быть, кстати, что-то и подчеркнуть. И у нас вот эта идея возникла (естественно, каждый голос нам дорог и отдельные публикации у нас продолжают), - давать панораму национальной литературы...

- Не мозаику, а именно панораму...

- Вот именно. И начали мы с грузинской, поскольку, во-первых, - богатая литература, прекрасный выбор, интересные для России события происходили в течение этих 15 лет. Наверно, и то, что главный редактор – грузин, имело к этому организационное какое-то касательство... Номер был, на мой взгляд, чрезвычайно удачный, так он был воспринят и в Москве.

- Т.е., это был не только чисто литературный номер, но и своеобразное зеркало происходящих в Грузии процессов...

- Конечно. Там пять материалов политологических о событиях ноября 2003 года, которым предшествует еще и хроника последних 15 лет в Грузии, специально подготовленная Мамукой Арешидзе. Здесь также интервью Отара Чхеидзе, большого писателя, - "Творчество – это необъяснимое принуждение". И вот после этого сразу встрепенулись представители других литератур, - можно сказать, выстроилась очередь. Был латышский номер выпущен (вернее, половина примерно журнала), затем вышел армянский номер, теперь Литва на очереди и т.д. Это, видимо оправдало себя в этих условиях – представить панораму сегодняшнего дня той или иной литературы.

- И, видимо, не стоит говорить о каких-то центропритягательных силах, - это выражение взаимного интереса культур...

- Конечно. Вот, скажем, я назвал Литву и Латвию (и эстонцы тоже уже стучатся и зондируют почву), - у них чисто прагматический интерес. Они через свою достаточно известную сдержанность переступают, по-

тому что это - прямой выход в Европу. Им казалось, что Скандинавия их ждет и хочет переводить, но опыт пошедших 15 лет показал, что все-таки через переводы на русский язык издательства Запада знакомились с талантливыми писателями. В некоторых литературах есть переводчики, непосредственно работающие с языком оригинала, – мы знаем и любим чеха Вацлава Черны, и в Германии есть мастер перевода с грузинского, переводивший Отара Чиладзе. Но довольно много переводилось уже с русских переводов. И, конечно, божий дар, литературный талант нельзя использовать непродуктивно, оставляя его в маленькой Эстонии или, скажем, Армении, - это должно расходиться по миру. И вот эту функцию мы, как можем, пытаемся сохранить.

- Выживать такому журналу в нынешних условиях, очевидно, не просто...

- К сожалению, да, нелегко. И я хочу сказать слова признательности за понимание наших проблем, которое проявило Агентство по культуре и кинематографии России. Я во многие структуры государственные и межгосударственные с этим обращался, поскольку в каком-то сегменте мой журнал все-таки государственную функцию несет. Масса положительных эмоций, отзывов, даже запротоколированных решений, но конкретной поддержки – ни от кого, кроме Михаила Швыдкого, который понимает проблему, осознает значимость русской культуры и русского языка, благодаря переводам на который многие малые литературы вышли на мировую арену. Чингиз Айтматов, кстати, остроумно сказал: "Сегодня "Дружба народов" – это единственная лошадка, на которой писатель малого народа может выехать в большой мир". Агентство помогает нам и тем, что выписывает для библиотек в русской провинции четверть тиража нашего журнала. Ведь это не только поддержка библиотек и журнала (наш собственный бюджет из этого складывается), но и популяризация литературы. Они даже помогли нам провести мастер-классы – семинары для переводчиков нового поколения со всего постсоветского пространства. Причем, те же прибалты едва ли не активнее и старательнее всех там работали. Приехали все, кроме Туркмении, и я уже кое-какой урожай собираю, – уже переводы поступают. Вроде как грех на душе я какой-то чувствую, что мы людей "заманиваем" в профессию очень тонкую, сложную, а эта работа сейчас очень плохо оплачивается. И мы хотим решить проблему – хотя бы вручать премии за лучший перевод.

- В наши дни выпускать литературный журнал да еще без "желтизны" и "попсовости" – дело не только непростое, но и не хлебное...

- Проблем, конечно, много. Но вот как-то сам про себя даже иногда думаю, – что я так упрямо этим занимаюсь? Все-таки я чувствую, что вот эта функция журнала – важная. И у меня, как и у очень многих людей, к русской культуре, к русской литературе колоссальная привязанность. Одну из своих статей я назвал "Неотразимое поле притяжения", - для меня оно действительно таково. И вот чтобы литература полноценно вот эту свою функцию несла, я пытаюсь что-то делать...

Андрей БЕЛЯВСКИЙ

ДРУЖБА НАРОДОВ

ISSN 0012-6756

- **Отар Чиладзе**
Годори
Роман
- **Лия Стуруа**
Как сладок лени мед
в конце войны!
Стихи
- **Современная**
грузинская новелла
- **Сергей Параджанов/
Эдуард Шеварднадзе**
Кто, где и как прервал 15 лет
молчания Мастера
- «Революция роз» —
взгляд из Тбилиси и Москвы

3'2004

Сергей Параджанов/
Эдуард Шеварднадзе

Владимир Головин

ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ ТИФЛИСА

ПРОГУЛКА ВОСЬМАЯ ИЗ КНИГИ “ГОЛОВИНСКИЙ ПРОСПЕКТ”

Прошу прощения читатель, за то, что опоздал на очередную встречу с тобой. Искал для кое-кого подарок ко Дню Святого Валентина - вот и задержался. Но, как бы то ни было, мы снова встретились и на этот раз не будем сдерживать эмоций, позволив себе оглянуться вслед хорошенькой женщине. Ведь если мы не сделаем этого, то не будем настоящими тбилисцами. И 9 лет назад прекрасная половина населения (несмотря на минимальные возможности) старалась выглядеть привлекательно. Но то, как она выглядят сегодня, — восьмое отличие, бросающееся в глаза при встрече с родным городом.

И КАК ДЕЛАПОРТ СМОГ РАЗГЛЯДЕТЬ?

Итак, мы оглянулись. Во-первых, чтобы поздравить очаровательную прохожую с Днем всех влюбленных. А во-вторых, чтобы полюбоваться, доставив удовольствие и себе, и ей - ибо какой женщине не приятно, что окружающие обратили внимание и на ее внешность, и на ее наряд! Правда, сегодня, чтобы выглядеть “на уровне”, нашим красавицам приходится тратить порой последние деньги, но их исконный тбилисский шик вовек не истребить никаким житейским передрягам. И нам остается только присоединиться к мысли о том, что *“эти прекрасные грузинки считают себя только для того созданными, чтобы влюбляться и влюблять других. Нельзя смотреть на них, не чувствуя страсти”*. Учти, читатель, что воскликнул это еще в 1768 году не какой-то там повеса, а путешественник Иосиф Дела-

порт, носивший сан аббата. Причем, грузинками он называл всех горожанок, не ведая, сколько кровей течет и перемешивается в наших чаровницах.

Впрочем, вспомним, что столь воздушные на вид создания умели так в себя влюблять, что даже восточными деспотами вертели, как хотели. Помашем рукой с Головинского аж в XIII век – уроженке Тифлиса Тамте, которая вынуждена была выйти замуж за правителя Хлатского эмирата, чтобы спасти попавшего в плен отца - атабека (воспитателя наследника грузинского престола) Иванэ Мхаргрдзели. Эта умница и красавица заставила своего благоверного Аухада Наджм ад-Дина прекратить войны и установить добрососедские отношения с грузинами и армянами.

А теперь позавидуем умению аббата и его современников оценивать красоту тифлисской женщины – сделать это тогда было ой, как нелегко! Это сейчас: кепочка, чуть расклешенные брючки, короткая курточка, длинный яркий шарф – и образ готов. А в те времена Богом данная красота камуфлировалась таким количеством одежды, что перечислять ее можно на нескольких страницах. Извиняюсь за деликатные подробности (и не выясняй, читатель, откуда это мне известно), но вместо белья носили нателную рубаху “перанги” с рукавами до запястий и штаны “шеидиши” до щиколоток. Грудь и низ рубахи расшивались растениями, рыбами и птицами – наверное, в тех же целях, в каких сегодня неглиже обшивается кружевами. Поверх всего этого надевалось платье “картули каба” - длинное, сильно приталенное, с плотно облегающим лифом и глубоким вырезом. Но - не в пример временам нынешним - вырез этот закрывался шелковой вставкой “гулиспири”. Головные уборы “тавхурва” были весьма непростой конструкции, но и на них, выходя из дома, накидывали шелковый платок “багдади”. А поверх - еще и большое белое покрывало “чадри”, в которое, закутывались с головы до ног, показывая только лицо или глаза.

ОТ “ИУПКИ” ДО “ХАБАРДЫ”

И как тут было разобраться, красавица тебе встретишься на улице или совсем наоборот? Да еще если лицо у нее – в белилах и румянах? Теперь ты понимаешь, читатель, незадачливого князя из “Ханумы” (на экране - “Кето и Котэ”), которому именно в таком виде вместо трепетной девы продемонстрировали пожилую сваху? Кстати, о свахах. Заглянем в перечень приданого невесты, составленный еще в 1790 году. Рядом со списком традиционной одежды в нем фигурируют “иупки”, “русули шали” (перевод, надеюсь, не требуется)

и зонты. Да, уже в то время красавицы и их родичи знали, как престижными иностранными приобретениями продемонстрировать свою состоятельность. Ну а после 1830-х годов “импортная” мода, как и сейчас, начала распространяться с потрясающей быстротой, в первую очередь - в обуви. У состоятельных дам ушли в прошлое “коши” - туфли на высоком каблуке, с загнутыми носами, без задников и “плошти” - домашняя кожаная вышитая обувь. Их сменили туфельки из шевро, лайки и атласа. Затем новые веяния коснулись причесок и лица. Дамы перестали красить хной ногти и ладони - к их услугам уже были западная косметика и парфюмерия.

Потом в атаку пошло нижнее белье, вытеснившее “перанги” и “шеидиши”. Сильно изменилось “картули каба”, которое, на европейский манер, стали надевать на кринолины. Называлась эта помесь Востока с Западом веселым тбилиским словом “хабарда”. Именно его намного позже выкрикивали кинто, привлекая внимание друзей к наряженной красоте. Как ни странно, при всем пристрастии прекрасного пола к разнообразию шляпок, дольше всех держалась “тавхурва” - ее умело сочетали с различными вариантами европейского костюма. Поистине воплем моды стала попытка украсить этот традиционный головной убор рисунками из модных парижских журналов. Но широкие массы красоток этот вопль не поддержали.

В общем, уже в 1870-х годах в Тифлисе всюю продавали моднейшую европейскую одежду. В любой газете мы прочтем рекламу магазинов Станислава и Гавриила Чарахчиановых, по всему городу торговавших шляпами, чулками, корсетами, перчатками и другими аксессуарами, завезенными прямо из Парижа. А если заглянем на Гановскую (Ханскую, Ак.Церетели, Г.Табидзе, Галактиона) улицу, то хозяин швейного магазина Павел Гамкрелидзе покажет нам такие модели платьев и салопов, шубок и муфт, что в них не стыдно провести даму по Елисейским полям 1880 года. Но подобные заведения все-таки были доступны далеко не всем, и появилась в Тифлисе профессия, дожившая и до нашей с тобой, читатель, середины XX века – “домашняя швея”. Полубоившись на новомодные красоты, спустимся с Гановской по Бебутовской (до того - Садовой, а после революции - Энгельса, Асатиани) улице на Татарский майдан (площадь Горгасали) и увидим, что там по-прежнему работают всюю ста-

ротифлиссские портняжные и сапожные мастерские, в которых полно клиентов. И видеть это мы сможем еще много лет, вплоть до начала прошлого века.

ЭТИ ХВАСТУНИШКИ ПУШКИН И ДЮМА

А как жилось очаровательным горожанкам уже после того, как удалось “влюбиться и влюбить”, т.е. в кругу семьи? Подглядим через высокий забор и увидим, что в семьях, где за соблюдением традиций строго надзирают старшие родственники мужа, господствуют весьма суровые запреты. До рождения первого ребенка невестка должна была не разговаривать с этими самыми грозными родственниками, некоторое время не выходить на улицу, носить дома покрывало. И если сегодня это покажется, мягко говоря, странным, то еще один запрет может прийтись по душе и кое-кому из наших современников. В дом, где отсутствовал мужчина, не принято было входить. Если же хозяйка принимала гостя, то ее ожидало такое “*осуждение со стороны соседей, родственников и друзей*”, что мало не покажется. Между тем, муж с утра уходил по делам, посиживал в духане. И у далеких от эмансипации красоток было время уделить внимание туалетам, косметике, выбору товаров у разносчиков. И конечно (кто бы сомневался!), представительницы всех слоев общества часами болтали с соседками. Поглядишь на эту, не богатую событиями жизнь и удивись: “Неужели прапрабабки наших дерзких и самостоятельных современниц всю жизнь были покорными домоседками?” Нет, и они “оттягивались по полной программе” - но не в барах, не на дискотеках, а в знаменитых банях.

Два великих Александра – Пушкин и Дюма – хвастают, что побывали в тифлиских банях в женский день и “*ни одна не поторопилась покрыться своею чадрую: ни одна не прекратила раздеваться*”. Позволим себе не поверить известным шалунишкам и повторим вслед за нашим постоянным попутчиком Иосифом Гришашвили: “*Я не представляю, чтобы стыдливые наши жены, прибегавшие ко всякого рода ухищрениям, чтобы как можно незаметнее отправиться в баню, и бровью не повели, увидев там мужчину*.” Действительно, в баню горожанки отправлялись рано утром и возвращались в сумерках, чтобы не попасться на глаза постороннему. Ну а прибыв на место, давали себе полную волю. Уж не знаю, откуда известны Гришашвили подробности банных дамских потасовок, но раз уж мы привыкли ему верить... “*Шумели там наши скромницы гулко, пускали в ход кружки, тазы, гибкие прутья для стирки белья. Давали волю сокрытым, так сказать, в глубине нежной души чувствам... Но будем снисходительны к слабому полу. Баня, должно быть, заменяла им и церковь, и клуб... Милые дамы умолкали здесь лишь затем, чтобы позавтракать и пообедать*”. А еще в бане демонстрировали моды - раздеваясь, дама раскладывала каждую деталь одежды так, чтобы все могли увидеть ее убранство.

Впрочем, тифлиские красавицы пленяли не только нарядами. В дворянских семьях 1820-40-х годов и костюмы, и стиль жизни “образованных и прелестных” не уступали европейским: литературный салон, званный обед, прогулки по Головинскому, посещение театров и маскарадов. Не удивительно, что об этих женщинах ходили легенды.

И как гостям душевно рады,
и как певучи в песнопеньях,
и как талантливы в твореньях,
и как изысканны в нарядах...

Мы можем войти в дом Александра Чавчавадзе, где юные красавицы свободно общаются на французском и русском, прекрасно музицируют, поют романсы. А вот еще один салон – Маико Орбелиани, в котором умением слушать и вдохновлять они пленяют цвет местной и приезжей интеллигенции, поэтов и художников. Среди плененных – Александр Грибоедов, Михаил Лермонтов, Николоз Бараташвили...

Навеки будет нам примером
тепло светильников хрустальных,
поэтов гревшее опальных
и вольнодумцев-офицеров.
Пусть невольский ветер рвал портьеры –
в беседах и в мазурке бальной
гость забывал и звон кандальный,
и тень загубленной карьеры.

Прислушайся, читатель: в далекой ссылке поэт Солломон Размадзе в стихотворении “Пир Дианы” вспоминает самых прекрасных женщин – Нину и Екатерину Чавчавадзе, Маико и Софию Орбелиани, Вареньку Туманишвили, Меланию и Дарью Эристави... Впрочем, кто перечтет всех красавиц тогдашнего Тифлиса? Со вздохом сожаления распрощаемся с ними. Но утешим

себя тем, что перейдем в не менее очаровательное общество.

ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ ТИФЛИСА

Для этого перенесемся на десятилетия вперед и пройдем по тифлиским литературно-художественным подвалам 1910-20-х годов (так напоминающим парижские кафе), чтобы быть представленными Прекрасным Дамам. Которых позднее поэт Григол Робакидзе назвал “осколками легенды”. Это - тифлиские музы поэтов и художников, искавших в нашем городе убежище от революции и гражданской войны. Красавицы, никогда не изменявшие романтичному взгляду на жизнь, были настолько сильны, что их не согнули ветры жестокой эпохи. Наперекор годам и быту, они сохранили дар быть Женщиной и растрачивали себя не задумываясь – и в любви, и в испытаниях разлукой.

12577. Тифлисть. Танець дзгнпка. 1911.

Знакомься, читатель, - Мелита Чолокашвили, муза грузинских поэтов-символистов "голубороговцев", желанная гостья на свадьбе Паоло Яшвили, в старости вспоминавшая, как поэт пил вино из башмачка своей жены. Это ей Тициан посвятил пламенное: "... богиня Мелита... Мадонна...". Это она на вечере у Лизы Орбелиани, прославившейся переводом на французский лермонтовского "Демона", пленила Сергея Рахманинова. Это она, уехав от советской власти во Францию, стала первой индивидуальной зарубежной туристкой, допущенной этой властью в Тбилиси. Был 1958 год, и весь проспект Руставели оглядывался на 64-летнюю женщину с нестигаемой осанкой грузинской аристократки. А вот – и остальное созвездие: Мери Шервашидзе-Эристави, которой посвящал строки Галактион; Нина Макашвили - муза Тициана, изображенная Судейкиным в образе Коломбины на стене знаменитого кафе "Химерион", в которое мы уже заглядывали на четвертой прогулке; Элисо Дадвани, погибшая за тысячи километров от родного города в автокатастрофе на пути к однополчанам мужа сестры - убитого в 1942 году в Африке героя Франции Дмитрия Амилахвари...

Ну, а ярчайшая в этом созвездии - Саломея Андроникашвили. Откроем "Таймс" за 9 мая 1982 года и узнаем, что накануне на 94-м году жизни (!!!) скончалась "последняя из самых блистательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии". Видишь, читатель, как в 1915 году Анна Ахматова дарит ей свой сборник "Четки" с надписью "В надежде на дружбу"? Как Осип Мандельштам посвящает ей обессмертившее ее стихотворение "Соломинка"? А слышишь ее признание в том, что за границей она оказалась с человеком, кото-

рый уговорил ее "прокатиться с ним вместе в Париж, как говорится, за шляпкой"?

О СИЛЕ СЛАБЫХ ЖЕНЩИН

Она пленила тогда неординарного человека - брата Якова Свердлова, приемного сына Максима Горького, будущего национального героя Франции, соратника де Голля, бригадного генерала, кавалера более 50-ти наград, артиста и писателя Зиновия Пешкова. Он входил во французское представительство при первом правительстве Демократической Грузии и увез красавицу через Батуми, на канонерке, без паспорта, с маленьким чемоданом. Они остались друзьями на долгие годы. А чтобы понять тот, далекий порыв молодого офицера, заглянем в Третьяковскую галерею и постоим у портретов Саломеи кисти Кузьмы Петрова-Водкина и Василия Шухаева. Или – в Государственный музей искусств Грузии, куда в советские времена она сумела передать свой портрет, написанный Зинаидой Серебряковой.

Позволим себе прочесть одно из писем, доставленных г-же Андрониковой парижской почтой в 1927 году. "Вас всегда будут любить слабые, по естественному закону тяготения сильных к слабым и слабым - к сильным", - пишет ей подруга, которой она не только помогала деньгами, но и распространяла билеты на ее поэтические вечера. Зовут эту подругу Марина Цветаева. И для нее стала музой тифлисская красавица, в старости жалевшая лишь о двух вещах. О том, что "совершила глупость, оставила родину в трудный момент". И о том, что во время войны, когда в ее лондонский дом попала бомба, сгорел альбом, в который ей писали Тициан и Паоло. Впрочем, не будем грустить, а улыбнемся ее шутке 1940-х годов, когда она издала кулинарную книгу, в которой было и несколько грузинских рецептов: "Всю жизнь думала, что я муза, а оказалось — кухарка".

А ведь эти слова оказались пророческими для судеб многих наших горожанок. Кто засучил рукава и принялся за дело, когда в первой половине 1990-х годов жизнь Тбилиси была фактически парализована? Кто стал открывать лавки, кафе, парикмахерские, кондитерские, чтобы хоть в чем-то вернуть город в нормальное состояние? – Очаровательные наши женщины, тоже не без основания считавшие в предыдущие годы, что они – хрупкие музы, романтические любительницы поэзии и искусств. И сегодня, не утратив своей привлекательности, но доказав, что они - отнюдь не слабый пол, наши горожанки неплохо правят бал в том, что принято называть "малым бизнесом". Впрочем, и большого бизнеса не чураются, оставаясь при этом Женщинами. А как утерли нос многим своим согражданам красавицы Маки Асатиани, отправившись с показом мод в Панкисское ущелье! Да еще в то самое недавнее время, когда одно его название заставляло мужчин хвататься за оружие.

Думается, придет время, и город обязательно воспоеет наших современниц, как воспевал веками их матерей и прабабок. Пока же остановимся в центре проспекта Руставели, у памятника женщине, которая сама воспела Тбилиси. Да так, что и спустя много лет после смерти тбилисцы называют ее не иначе, как Эличка.

Простимся у памятника Елене Ахвледиани, читатель. С Днем всех влюбленных!

ИННА КУЛИШОВА (ГРУЗИЯ)

В этом городе, полном обмана,
растекающемся, как вино
из вверх дном перевернутых чаш
синих гор,
мимо дома летит Иавнана,
словно пух тополиный. В окно
бьются выстрелов звуки. Пейзаж –
это хор.

В этом городе с именем лисьим,
заслонившим чужой горизонт,
где беззвучен, бессилён, бесцелен
блеск ножа,
я не знала ни улиц, ни писем,
разносящих озон и азот
по расщелинам мыслей. И зелень
неспеша

обнаруживала оттенки,
на какие способен лишь юг.
И, задумчив, наивен, немолод,
заслан взгляд
в эти мимо плывущие гренки
летних дней, как шпион и ашуг.
И сочтётся зевающий город,
словно яд,

в мои вены, движения, раны.
Никуда за собой не зовет.
И ничто мне не больно, не странно.
Не разбавлю цикуютою лед.
Струи сладкие Иавнана
не в мою бессонницу льет.

Июль 2003

Куры **Куры**
ловят зерна рыб.
И плевели мусора
нанизаны на креста
отражение. Эхи,
охи компрометируют эхо.
Слову здесь не достичь успеха.
В воде Метехи
небеснее, чем на холме. Да,
и палец, как курсор на
дисплее, водит по воздуху. Грипп,
кажется, в городе. Но и это все – до поры.

Февраль 2005

Родилась в 1969 году в Тбилиси. Стихи пишет с шести лет, рифмует с двух. Закончила с отличием факультет русской филологии. Защитила первую в Грузии диссертацию по поэзии Иосифа Бродского, кандидат филологических наук. Одна из главных личных ценностей - его письмо, в котором поэт советует продолжать сочинять. Поэтические публикации - в Грузии, Израиле, США, Европе, России. Стихи переводились на английский, публиковались в антологии современной поэзии в Лондоне. В 2000 году в Израиле вышла книга стихов «На окраине слова».

у русел ручьев русофильский наряд
берез - как готовы к хазарам стоят.
как воины в профиль предёрных веков.
между паузность в “стало” и “плотью”, и то в
лишь первом неперевереденном, до стран.
акриды, что тезка его Иоанн,
не морщась, но взглядом того муравья,
который прополз вдоль реки до всея.
и прочерки, почерки, точки-тире
на этой готовой к хазарам коре.
в сказуемом непредсказуемом, не-
не подле лежащем, а там, в стороне,
и разом, и сказом - в лесо-наповал.
и пропасти пасть словно кто целовал,
вцепившись в замоленный вышний провал,
и Небо - что вечный Господний подвал.

Июль 2005

И вертится душа, как палец: те,
вот те оставь строчки напоказ
страницам, ветер рвется вон из глаз.
И Сильвия бежит, бежит к воде,
когда включен по всей планете газ.

Но нет страниц, которые могли
вытаскивать и тело из петли,
и душу в Дух, как в рану перст - перо
вложить, дав алфавитам за порог
любой перевалить, и альфа вит
кричит “Лови” омега всех молитв.

Так вот в чем форма есть? И ты, Фома,
почел страницу за ладонь. С ума
нельзя сойти, но невозможно не
сойти, когда вкус крови льнет к десне.

Октябрь 2004

ВИКТОРИЯ КОЛЬЦЕВАЯ (УКРАИНА)

*“...Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина,
Полумерцанье в имени твоём, -
И странно мне по сумраку Берлина
С полувиденьем странствовать вдвоём...”*
Набоков

Ты мальчик на асфальте – не по росту
штанишки обнажают синеву.
Равняя свой нарыв с твоей коростой,
боюсь, скорей играю, чем живу.
Ты девочка на шаре. Белокурый
восходит от ладоней фимиам.
Какой Пикассо не набедокурит,
вышагивая мимо по кубам.
В окно, гляди, павлиноглазка бьется –
покуда лампа матово горит,
решится ль на такое сумасбродство?
три комнаты моих – не полторы.

Лети же. Больно. След на крестовине
не оставляй в ночной недобрый час.
Еще и окон не было в помине,
когда пылью сыпало из глаз.
Когда звенела подаяньем скудным
чужая речь на паперти страниц.
Когда крючки ее казались чудом.
Но я хочу ощупать дно глазниц.

Но я хочу и пыль втянуть губами,
чтоб семь веков скрипели на зубах.
Расклинивая десны, прорастая
и беспокоя кромку языка.
Что за нужда ползти крыльцом, до края –
у сосунка, привставшего с горшка,
когда лежать бы, дней не различая,
покуда время льется из рожка,
издалека.

Где стынет каплей млечной
нагорный снег. “Спаси и Сохрани”
на безымянном олове колечка –
не оберег, а заповедь. Одни
псалмы имен сменяю на другие,
и что ни угол, то обменный пункт –
Владивосток... Елабуга... Россия...
как будто больше прежнего вернут –
на черенок иль сеянец. Робяя,
вживляю корни в пустошь немоты.
Не задохнуться бы в Преображенье,
скругляя плотью терпкие плоды.

Родилась в Новосибирске в 1965. Отечеством
полагает Украину, где живет с ранних лет.
Инженер-строитель. Изменить профессии в угоду
вербальному гулу не считает
возможным. Подчинить ее неожиданной
рифме – ставит ежечасной задачей.
Публикуется в Украине, Германии, Дании, России.

АЗБУКА

Ас. Заходим на мёртвую петлю.
Аспид вьётся и чёрною плетью
хвоста бьёт по коже моей
(не тревожься, я много сильней).
Аз. Нельзя возвратиться к началу
дня, в котором ещё не встречала
Ева впалую грудь без ребра,
и древесная дремлет кора?
Вдоль Корана и раннего Гёте
зреют бури. Летит позолота
сур – рогат, над Востоком висит
легкий серп тугоплавких обид.
Бесновата, беззуба, костлява –
как безудержно рада шалава
каждой новой шальной голове,
по висок в порыжелой траве.
Трын-осоке, щекочущей пятки.
Так учили выигрывать в прятки
у затравленной бедной души,
раскурив косячок анаши,
разделившись на наших и ваших
перед смрадною дыркой парашаи.
Туз. Девятка. Себе. Перебор
колокольцев: дин-дон. Фа мажор,
задрожав на запекшемся звуке,
распадается на Рцы-Аз-Буки.
Плоть от Плотника, в лицах дробясь,
выдыхает упрямо: Есмь Аз

**РОДИЛСЯ 28 ДЕКАБРЯ 1944 Г. В Г. ТБИЛИСИ.
В 1971 Г. ОКОНЧИЛ ТБИЛИССКУЮ
ХУДОЖЕСТВЕННУЮ АКАДЕМИЮ.**

С 1975 ГОДА ЧЛЕН СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ ГРУЗИИ.

С 1982 ГОДА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК ГРУЗИИ.

**ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ: ТБИЛИСИ, МОСКВА,
АНКАРА, НИМИ, ДЮССЕЛЬДОРФ,
МОНРЕАЛЬ, КРАЙСЧЕРЧ, СТАМБУЛ.**

ГОГИ ЧАГЕЛИШВИЛИ ХУДОЖНИК

ГИО ЖЕНИТСЯ

- Мама, ты мне справишь свадьбу? – спрашивает маму пятилетний Гио.

- Я приглашу весь город на твою свадьбу! И если мы не уместимся в доме, во дворе, мы накроем столы на улице.

- Мне принесут подарки?

- Видишь эту комнату? Она будет полна подарков.

Довольный ответом мамы, Гио прячет лицо у нее на груди и еще сильнее прижимается к ней.

Через двадцать пять лет Гио вспомнил о мамином обещании.

У него на свадьбе за столом сидели десять человек. Как ему хотелось в тот день поразить родственников жены своими родными и близкими!

Все произошло самым обычным образом. Через год у него родился сын. В тот день, когда надо было выписывать жену и ребенка из роддома, он заявился к двоюродному брату на работу, чтобы взять у него денег взаймы.

- У меня сын родился, – сказал он и заплакал.

ДАЧА

Он ждал гостей на даче. Чувствовал себя счастливым. В который раз уже бросал довольный взгляд на накрытый на балконе стол, хлопчущую жену, которую любовно называл «моя старушка». Шутка ли – они справляют 25-летие своей свадьбы.

Левое крыло дома смотрело на Куру.

Он надел плавки. Бегом спустился по железным лестницам, ведущим к реке. Резиновые тапочки ему порядком жали. Он осторожно шел по дикой траве, проросшей на каменистом берегу. Река ежегодно меняла русло. Стоял конец июля, ему показалось, вода в реке прибыла.

Он любил гулять на безлюдном островке на той стороне. Островок появлялся к концу лета, когда вода спадала. Опережая рыбаков, он первым ступал на его землю, по которой были разбросаны сокровища, принесенные рекой. И сейчас его тянуло туда.

Он выбрал место, где течение реки было не таким сильным и можно было поплыть в ту сторону. Вода показалась ему холодной, а потом обволокла его, как шел-

ковая ткань. Он легко добрался до желанного островка и ступил на чистый песок.

Маленькая Сахара.

Держа тапочки в руках, босиком пошел вдоль берега. Он чувствовал себя восемнадцатилетним парнем.

«Ну, чем ты меня на сей раз обрадуешь, какое богатство принесла?» - бормотал он про себя, разглядывая нанесенный рекой песок.

Покрытые песком старые покрышки, огрызки целлофана, запутавшиеся в смытых водой ветках, часть арматуры, корни ольхи с застрявшим в них камнем. Тут же готовый натюрморт: огрызок утратившей цвет помады, кусок тонкой вязаной из катушечных ниток ткани, старый чемодан с развернутой пастью, а в сторонке – кукла, уставившаяся слепыми глазами в небо.

На свете ничего не пропадает. Некогда приобретенные людьми предметы, потом выброшенные, иные унесенные рекой, неоднократно стиранные, выгоревшие на солнце – своим цветом и формой доставляли ему удовольствие. Он собрал небольшие вещицы и положил в карман плавков, чуть побольше спрятал там же неподалеку, вернее отметил место, где они находились. «Это богатство никому, кроме меня, не нужно».

Бросил взгляд на ту сторону, где на скале высилась его дача. Похоже, появились первые гости.

Начал искать место, где бы ему войти в воду. Отсюда река казалась значительно шире. В нескольких местах ему надо было плыть с предельной скоростью, чтобы не попасть в водоворот.

Какое-то время он шел в воде, пока выдерживал течение реки. Дошел почти до середины. Потом, как если бы его подсекли, вода подхватила его, как перышко, и понесла. Он поплыл кролем, из всех сил работая руками и ногами, но вздыбленная река неумолимо несла его к водовороту.

Вспученная, подобно драконовой спине, поверхность воды вблизи казалась ужасной, а ее зловещий вой не предвещал ничего хорошего. Вдруг словно кто-то потянул его за ноги вниз. Вода накрыла с головой, а когда вытолкнула, он едва успел сделать вдох, так как не был готов к этому. Потом вода снова затянула его. Он едва дышал. Это было не плавание, а борьба со стихией. Он потерял ориентацию, ничего не видел. Думал, что ска-

ла справа, а она оказалась слева. Казалось, он смотрел на нее сквозь бутылку, полную воды. Река снова закрутила его, потом отшвырнула в сторону, где несла свои воды плавно, спокойно. Он лег на спину. Сердце готово было выскочить из груди. Где-то в районе желудка бился пульс.

«Спокойно, спокойно, лучше гнуться, чем переломиться».

В ушах шумело. Веки набухли. Он почувствовал боль между лопатками, мучило.

«Надо отдохнуть».

Река текла здесь медленно, лениво.

В синем небе он увидел парящего сокола. На берегу возникли знакомые контуры горы.

В этом месте утонул шофер такси, хороший пловец, ему было всего сорок лет, но, вот, утонул.

Он словно вновь услышал крики его жены и детей. Кто-то пытался вытащить его из воды, но беднягу поглотила река. Сердце не выдержало. Потом говорили, он был пьян. Скорее всего так и было. Пьяному нельзя входить в воду.

Он почувствовал боль в груди. Левую сторону как будто пронзили иглой. Почувствовал, как пот выступил на лбу. «Боже, какая страшная боль, только бы не повторилась. Не надо делать резких движений». Он и не сопротивлялся течению, полностью отдался его воле. Вода повернула его так, что он не заметил, и несла прямо к подножью скалы. Он вытянул ноги. Помнил про скрытые водой острые камни. В этом месте он спас тонущую девушку, ей не было и двадцати. Из разорванного бюстгальтера высовывалась упругая цвета слоновой кости грудь, к розовому соску прилепилась маленькая лягушка, как булавка для украшения. Девушка тоже была пьяна, от нее исходил запах алкоголя.

Он ухватился за основание скалы, но рука соскользнула с осклизлой поверхности. Потом волна дважды перевернула его.

На мгновение он вновь потерял ориентацию, потом пришел в себя и телом ощутил загустевшую как кисель воду. Снова лег на спину. Смотрел на синее небо и замерший на склонах гор зеленый можжевельник. Время как будто остановилось. Стихли все звуки.

«Пятьдесят лет – срок немалый. А я все не хочу с этим мириться, не тренируюсь. Нет, нет, я должен справиться».

Он поплыл медленно, кролем. Появились признаки жилья. Две соседские собаки, виляя хвостами, бежали к реке.

Показалась дача полковника, года не прошло со дня его смерти, а сын уже продал ее. Новый владелец, толстяк, копался в багажнике иномарки, стоявшей во дворе перед домом.

Кажется, рядом тоже продается дача, принадлежавшая прокурору. Тот умер пять лет назад, и двое его сыновей не смогли поделить наследство отца. А какие планы были у него! Выйду на пенсию, старость буду коротать здесь...

Эх... Эх... Эх...

А вот большой арочный вход с железными воротами, у которых постоянно стояли машины. Гости прибывали, в основном, в субботу и воскресенье. Хозяин, известный актер, отошел в мир иной, и жизнь здесь будто закончилась. И только сторож, которому за восемьдесят, ковлялет по двору. Правда, раз или два он заметил там посто-

ронных, может быть, и продали уже?

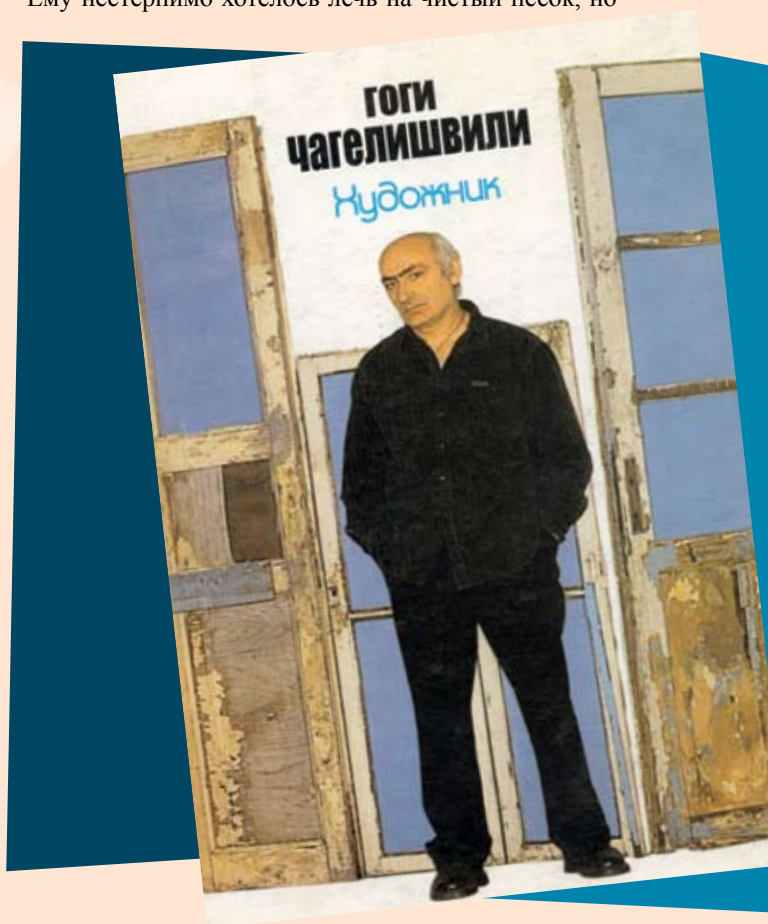
«Старик тот умер вчера, надо непременно пойти на панихиду».

Снова сердце дало о себе знать, порой оно трепыхалось где-то возле желудка.

Течение несло его к косе, врезавшейся в реку. Хотя он и не достигал ногами дна, ему показалось, что он опустился. Сердце бешено забилося. Вода на поверхности казалась спокойной, а внизу не давала ему вытянуть ноги. Она несла его к тому коварному водовороту, где утонули шестнадцатилетняя девушка и парень. Это был ужасный день. Плавать по-настоящему ни один из них не умел. Вода затянула девушку, а за ней и парня. Отсюда прекрасно был виден балкон его дачи. Гости уже собрались, кто-то махал ему, что-то кричал. Он ничего не слышал. Вскоре река разлилась во всю ширь и с шумом понеслась по камням. Плывть здесь было трудно, он встал, вода била поверх колена. Он пересекал реку, стараясь не упасть. Наконец, вышел на берег, тело казалось ему свинцовым, колени дрожали, продолжало мутить.

- Ну, как вода? – спрашивал кто-то с балкона. Он поднял большой палец. Вода содрала резиновую тапочку с одной ноги и вытрясла из карманов все его находки.

Ему нестерпимо хотелось лечь на чистый песок, но

голос жены отрезвил его.

- Гости уже собрались, - пожурила она его, - а ты где попадаешь?

И он, тяжело разогнув спину, стал подниматься навстречу гостям по железной лестнице из пятидесяти одной ступени...

Перевод с грузинского
Лианы Татишвили

ВОЗРОЖДЕНИЕ МАЛОГО ЗАЛА

27-го сентября музыкальная и политическая элита Грузии стали свидетелями исторического события. Открылся обновленный Малый зал Тбилисской государственной консерватории им. В. Сараджишвили. Именно таким 101 год назад зал предстал перед публикой, собравшейся на праздничном открытии Концертного зала тогда еще Тбилисского музыкального училища. Спустя несколько лет на его базе будет основана консерватория, на протяжении долгого времени являющаяся единственным в Закавказье музыкальным вузом европейского направления.

Первые средства на строительство концертного зала, одного из лучших образцов стиля “модерн” в Тбилиси, появились благодаря выдающемуся русскому пианисту, дирижеру и композитору А. Рубинштейну. Доходы от благотворительного концерта великого маэстро, состоявшегося 12 августа 1891 года, полностью были перечислены на строительство зала. В память об этом событии скульптура А. Рубинштейна по сегодняшний день украшает фасад Тбилисской консерватории.

Сто лет спустя история зала повторилась – благотворительные традиции остались столь же неизменными, как и музыкальные. Пострадавший от времени и последних землетрясений Малый зал нуждался в срочном ремонте. Средства, необходимые на восстановление, были выделены международным благотворительным фондом “Карту”. В то же время затянувшийся ремонт стал причиной отсрочки празднования столетнего юбилея зала.

В этом году открытие обновленного Малого решили приурочить к Третьему Тбилисскому Международному конкурсу пианистов. Однако соблюсти точную дату дня

рождения зала – 4 октября, все же не удалось.

Конкурсные события опережали юбилей всего на два дня.

Официальное открытие Малого зала Тбилисской консерватории должно было состояться ровно в полдень 28-го сентября, так как, по мнению дирекции консерватории, наслаждаться ожившими красками и архитектурой зала лучше было при дневном свете.

Однако нарушить традиции т.н. “вечерних юбилеев” не удалось. Из-за занятости президента страны открытие Малого было перенесено на день раньше, на 5 часов вечера.

Президент Грузии Михаил Саакашвили явился на открытие зала с супругой – Первой леди Грузии Сандрой Руловс. Почетными гостями торжества были министр культуры РФ Александр Соколов, министр культуры Грузии Георгий Габашвили, мэр Тбилиси Гиги Угулава, председатель Попечительского совета консерватории, генеральный директор «Ти-Би-Си Банка» Мамука Хазарадзе. В числе специально приглашенных гостей присутствовали Посол России в Грузии Владимир Чиквишвили, Посол Грузии в России Ираклий Чубинашвили, а также послы иностранных государств – Великобритании, Франции, Нидерландов, США, не раз поддерживавших мероприятия и проекты Тбилисской консерватории. К сожалению, на открытие зала не смог приехать ректор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, народный артист России Тигран Алиханов, по вине плотного графика концертных выступлений профессора.

Собравшимся на открытии Малого зала консерва-

должны были участвовать все ветераны сцены Малого – выходцы Тбилисской консерватории, известные грузинские и зарубежные музыканты. Но позднее все же решили уступить сцену новому поколению, унаследовавшему полностью обновленное здание Тбилисской консерватории.

И хотя текущих проблем остается немало, с полной уверенностью можно сказать, что на сегодняшний день в Тбилисской консерватории созданы идеальные условия для полноценной работы как преподавателей, так и студентов. В этом заслуга ректора Тбилисской консерватории – известной пианистки и общественного музыкального деятеля Мананы Доиджашвили. Благодаря усилиям и ее самоотверженности Тбилисская консерватория преобразилась как внешне, так и внутренне.

- «Празднование столетнего юбилея Малого зала ни что иное, как знак благодарности русской музыкальной интеллигенции, которой мы обязаны не только прекрасным залом, но и самой консерваторией, - отметила в эксклюзивном интервью нашему журналу Манана Левановна. - Ведь основание Тбилисской консерватории, как академического высшего музыкального заведения, произошло в результате тесных творческих связей с Московской и Петербургской консерваториями. Именно их выпускники - блестящие русские и грузинские музыканты, явились первым поколением профессорско-преподавателей нашей консерватории.

Об этом неопределимом культурном вкладе России не стоит забывать.

Отмечу, что личные контакты грузинских музыкантов с российскими коллегами никогда не терялись. Благодаря этому в течение последних лет многие известные российские музыканты систематически присутствовали на выпускных государственных экзаменах и международных конкурсах, проводимых Тбилисской консерваторией.

тории было на что посмотреть. Прделанные за год ремонтные работы впечатляли своим колоссальным размахом. Менять пришлось всё, вплоть до общей системы районного коллектора. Теперь Малый зал снабжен не только собственной специальной системой вентиляции и отопления, но имеет целый ряд подсобных помещений, таких как - кулисы, гардеробные, примерные и артистические комнаты. В постоянном распоряжении студентов будут также рояли фирмы «Ямаха» и «Стенвей», в том числе и отреставрированный старенький «Стенвей», хорошо знакомый не одному поколению выпускников консерватории. Однако самым ценным приобретением для Малого можно считать собственную звукозаписывающую студию, оснащенную ультрасовременной аппаратурой.

Воссоздать первоначальный облик зала, и прилегающее к нему знаменитое фойе, стало возможно благодаря чудом сохранившимся архивным материалам. Чертежи и рисунки были любезно предоставлены консерватории «Обществом по защите памятников Грузии», справедливо включившей Малый зал в список архитектурных памятников Тбилиси.

Вслед за официальными приветствиями, теплыми словами благодарности и пожеланиями, друзей консерватории ждал еще один сюрприз. В честь «второго рождения» любимого зала силами нынешних студентов консерватории был подготовлен маленький праздничный концерт. Правда, по первоначальному замыслу организаторов, в концерте также

Нестабильная политическая ситуация в отношениях между нашими странами ставит сотрудничеству чисто технические преграды. Это – нехватка финансирования стажировки наших студентов, организации двухсторонних обменов и проч.

Надеюсь, все эти преграды со временем преодолимы. Сегодняшнее событие можно считать своеобразным мостом в отношениях между Россией и Грузией, что, бесспорно, радует. Ведь музыканты принадлежат к особой касте людей, общающихся на своем, не нуждающемся в переводе музыкальном языке».

Эка КУПАРАДЗЕ

Впервые нажав на спусковую кнопку мы включаемся в бесконечную погоню за своим единственным и неповторимым кадром. Свет и цвет, сюжет и композиция, ракурс и стиль – составные части зафиксированного мига творческой удачи. Жизнь – бесконечная череда фотографий и упущенных фотомгновений. Молодой фотограф Г. Чанадири ищет свой Тбилиси. Всмотритесь, ведь это и наш город.

НАТАЛИЯ ЛИТВИНОВА (ДАНИЯ)

Из цикла «Солёная роса»

Памяти Осипа Мандельштама

1. Москва

Все семь холмов снега запорошили.
И в глотке века косточкой форели
Застрял Иван Великий – просмотрели
Лихие зодчие, а камня накрошили –
Что голубям семян! Быть местом лобным
Задумавшейся Сухаревой Башне.
Перо державное как пляшет – пашет,
Тупой сохой срывая храмы злобно,
Срезая вместо маргариток жизни –
Из свитка судеб вычеркнув навеки.
Кто поднял чудищу глазные веки?
Зима. Зима. Зима в моей Отчизне.

3. Воронеж

И вот уже лето сковало

Жарой чернозём под пятою...
И в трещинах стены вокзала.
И дева с корзиной пустою.
И сонная тучная муха
Докучно гудит прямо в ухо.

Пути обложили железом.
Во рту привкус гемоглобина.
Стихами сочатся порезы –
Глощает их жадная глина.
Гончар черноусый вращает
Глазами – и чревоещает.

4. Владивосток

Там, где зрачок луны горит по-волчьи,
Ни крымских, ни чухонских, ни поволж-
ских
Не отыскать могил,
Где ломок луч звезды заиндевелый,
А снег, как крошево стекла и мела,
Сугробом рот забил –

Там, там над заповедной твердью
Хребты ломают ласточкам медведи
И перья в яме мнут,
И всё глядят с тоской в седое небо:
Тосканского ни в глаз, ни на зуб хлеба.
Наган, чугуны да кнут.

Родилась в 1961 г. в Москве. В 1986 г. закончила филологический факультет МГУ (Тема диплома - “Звук как метафора в поэтике О.Э.Мандельштама”). Преподавала русский язык в Московском областном педагогическом институте. С 1989 г. проживает в Копенгагене. Преполагает русский язык и литературу при Отделе народного образования Копенгагенской Коммуны, читает лекции по истории русской культуры XIX в. при Российском центре науки и культуры в Дании. Стихи и статьи публиковались в газетах “Русская мысль” (Франция), “Словесность” (Израиль), журналах “Люблю!” (Латвия), “Дружба народов” (Россия).

5. Петрополь

Еще Петрополь помнит стоны

Фургонов с надписями «Хлеб»,
Еще горбатые вороны
Садятся на плечи Харону,
Чей облик – в кителе – нелеп,

Еще мертвящей тишиною
Наполнены сердца квартир –
А уж Орфеевой струною
Звенит твой голос надо тьмою
Из-под заржавленных мортир.

Мужей ахейских песнопенья,
И од державинских хорал,
И итальянской речи жженье,
И северных баллад биенье –
Все ритмы ты, дыша, вобрал.

И не унять, и не утишить:
Твой слабый голос всё звончей
В стихах неубиенных слышен,
Как отклик неба – выше, выше –
Набатом в уши палачей.

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო აკადემიური რუსული
დრამატული თეატრი

Тбилисский государственный академический
русский драматический театр
им. А.С. Грибоедова

საიუბილეო სეზონი

160

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕЗОН

ოქტომბერი

- 20 სექტ. გახსოვდეს ...
თბილისის სახელმწიფო აკადემიური რუსული დრამატული თეატრის 60 წლისადმი მიძღვნილი თეატრალური სპექტაკლი
- 21 სექტ. RUSSIAN ბლოუზი
ტრაგიკომედია ორ მოქმედებად
- 22 სექტ. პრინცესა და მწყემსი
მუსიკალური წარმოდგენა
იანს ქრისტოპან ანდერსენის სადრამატო მხატვრობის მიხედვით
- 23 სექტ. პრემიერა
ჩ. როდარი
ჩიპოლინო
მუსიკალური წარმოდგენა
- 24 სექტ. მე. ბულატ ოკუჯავა
თეატრალური სპექტაკლი წარმოდგენა ერთ მოქმედებად
- 25 სექტ. ე. ზოლია
ტერეზა რაკენი
ტრაგიკული ისტორია ორ მოქმედებად
- 26 სექტ. თ. დოსტოევსკი
ოვნიური
ფანტასტიკური დრამა ერთ მოქმედებად
- 27 სექტ. ცხოვრება მშვენიერია
(ერთმანადად სეზონი)
ტრაგიკომედია ორ მოქმედებად
- 28 სექტ. პრემიერა
ა. ვოლოდინი
ხუთი საღამო
დრამა ორ მოქმედებად
- 29 სექტ. პრემიერა
ხანუმა ანუ პოემა ძველ თბილისზე
ლირიკული კომედია ორ მოქმედებად
ა. ცაგარელის პიესის მიხედვით
- 30 სექტ. თეატრის 160 წლისადმი მიძღვნილი საზეიმო საღამო

Октябрь

- 20 ოქტ. Живи и помни
Театрализованное представление, посвященное 60-летию Великой Победы
- 21 ოქტ. RUSSIAN Блюз
Трагикомедия в двух действиях
- 22 ოქტ. Принцесса и свинопас
Музыкальное представление по мотивам сказок Г.-Х. Андерсена
- 23 ოქტ. Премьера
Дж. Родари
Чиполино
Музыкальное представление
- 24 ოქტ. Я. Булат Окуджава
Театрализованное представление в одном действии
- 25 ოქტ. Э. Золя
Тереза Ракен
Трагическая история в двух действиях
- 26 ოქტ. Ф. Достоевский
Кроткая
Фантастическая драма в одном действии
- 27 ოქტ. Жизнь прекрасна
(играем Чехова)
Трагикомедия в двух действиях
- 28 ოქტ. Премьера
А. Володин
Пять вечеров
Драма в двух действиях
- 29 ოქტ. Премьера
Ханума, или Поэма о старом Тбилиси
Лирическая комедия в двух действиях по мотивам пьесы А. Цагарели
- 30 ოქტ. Торжественный вечер, посвященный 160-летию театра

სპექტაკლების დასაწყისი: დღის 12.00 ხო-სე, საღამოს 18.00 ხო-სე

Начало спектаклей: утренних в 12.00 ч., вечерних в 18.00 ч.

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ღაურვატი
კორტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ღაურვატი

Художественный руководитель театра
Авандил Варсимашвили
лауреат Государственной премии Грузии
лауреат премии им. К. Марджанишвили

ცნობები ტელეფონებზე: 93-11-06; 93-43-36

Справки по телефонам: 93-11-06; 93-43-36

ЮБИЛЕЙНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРОХОДЯТ ПОД ПАТРОНАЖЕМ МЭРИИ Г. ТБИЛИСИ

Искренне Ваш

Регулярные рейсы в 90 городов 42 стран мира

**ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ И БРОНИРОВАНИЯ АВИАБИЛЕТОВ -
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ТБИЛИСИ:**

УЛ. САБУРТАЛИНСКАЯ №8, ТЕЛ. 94-38-96; 37-21-11